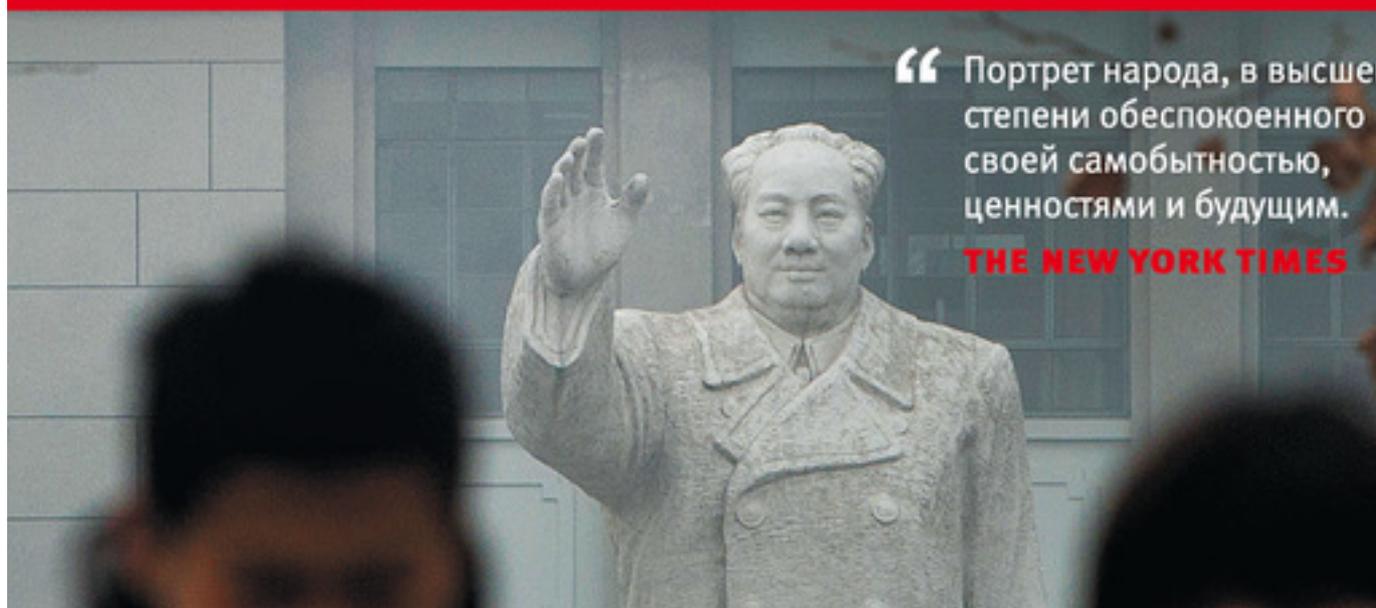

Эван Ознос

Век амбиций

Богатство, истина и вера
в новом Китае

“ Портрет народа, в высшей степени обеспокоенного своей самобытностью, ценностями и будущим.

THE NEW YORK TIMES

Эван Ознос
**Век амбиций. Богатство,
истина и вера в новом Китае**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8613668

Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае / Эван Ознос ; пер. с англ. М. Солнцевой.:

Corpus; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-085454-7

Аннотация

Китай со стороны выглядит почти карикатурой: коммунисты-прагматики, “колосс на глиняных ногах”, роботообразные студенты, “мастерская мира”, бесстрашные коррупционеры и диссиденты, “желтая угроза”... Настоящий котел противоречий под прыгающей крышкой. Корреспондент журнала “Нью-Йоркер” делится впечатлениями о культуре, политике и экономике, но главное – о людях стремительно меняющейся КНР, где он прожил восемь лет. Эта книга в 2015 году вошла в шорт-лист Пулитцеровской премии в номинации “Документальная литература”.

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эван Ознос

Век амбиций

Посвящается Сарабет, сумевшей перенести все это

Почему я должен быть как все лишь потому, что я родился в бедной семье?

Майкл (Чэжан Чэжимин)

У многочисленной армии можно отнять главнокомандующего, а у обыкновенного человека нельзя отнять его воли.

Конфуций

Evan Osnos

Age of Ambition

Chasing Fortune, Truth, and Faith in the New China

Перевод с английского Марии Солнцевой

Книга издана при содействии “ИФД-КапиталБ”.

Группа “ИФД КапиталБ” создана в 2003 году и является одним из крупнейших в России диверсифицированных холдингов. Инвестиции Группы представлены в нефтегазовой индустрии, секторе финансовых услуг, строительстве, химической промышленности, спорте, гостиничном бизнесе, массмедиа и высоких технологиях.

Книгу, которую Вы держите в руках, я могу смело порекомендовать всем, кто стремится понять современный Китай и его жителей и составить собственное мнение о том, может ли КНР претендовать на роль мирового лидера.

Много лет Эван Ознос работал в качестве пекинского корреспондента ведущих американских СМИ и был свидетелем политических, экономических и культурных потрясений, происходящих в стране. Эта книга вошла в число финалистов Пулитцеровской премии 2015 года в номинации “Лучшая документальная проза”.

Автор “Века амбиций” описывает конфликт индивидуальности и масс, общества и Коммунистической партии, изо всех сил пытающейся сохранить контроль. Автор задается вопросами: почему правительство, которое позволило людям зарабатывать, ограничивает свободу слова? Почему миллионы молодых китайских специалистов, свободно владеющих

английским языком и интересующихся западной поп-культурой, настроены против вестернизации?

Эван Ознос описывает Китай во всем его оглушительном разнообразии. Он рисует портреты реальных людей, от простых граждан до художника Ай Вэйвэя и премьера Госсовета Вэнь Цзябао. Ценность этого взгляда как раз в том, что подобную информацию нельзя узнать из официальных источников или СМИ. Ко всему прочему, автор не дает заскучать ни на минуту, порой вызывая улыбку, а порой искренние слезы.

Ольга Плаксина
Председатель правления
Группы «ИФД-КапиталЪ»

Пролог

Когда в Китае распространяется очередное модное поветрие, газеты называют его “лихорадкой”. В первые годы после открытия Китая миру население переболело “лихорадкой западного делового костюма”, “лихорадкой Сартра” и “лихорадкой домашнего телефона”. Почти невозможно предсказать, когда и где вспыхнет очередная “эпидемия” и к чему это приведет.

Деревню Сяцзя с населением 1564 человека поразила “лихорадка полицейского сериала ‘Хантер’”, известного в Китае как “Мастер-детектив Хэн Тэ”. В 1991 году, когда сериал начали показывать по китайскому телевидению, жители Сяцзя еженедельно собирались посмотреть, как работает детектив Рик Хантер из полиции Лос-Анджелеса, и ждали, что тот хотя бы пару раз произнесет коронную фразу: “Для меня сойдет” (он выглядел очень религиозным человеком, поскольку на китайский язык его слова перевели так: “На все воля Божья”). “Лихорадка Хантера” на каждого влияла по-своему. Несколько лет спустя, когда милиционеры в Сяцзя попытались обыскать дом крестьянина, тот потребовал “вернуться с ордером”: эту фразу он слышал от Хэн Тэ.

Я переехал в Китай в 2005 году. Прежде я слышал рассуждения о шестой части человечества и тектонических сдвигах в политике и экономике. Вблизи же оказалось, что самые глубокие перемены касаются повседневности, внутренней жизни людей. Главным “поветрием” стала вера китайцев в возможность изменить свою жизнь. Одни в этом преуспели, другие нет. Но важно, что все они бросили вызов самой истории. Лу Синь, самый знаменитый из современных писателей Китая, писал: “Надежда – это не то, что уже есть, но и не то, чего не бывает. Она – как дорога: сейчас ее нет, а люди пройдут – и протопчут”¹.

Я провел в Китае восемь лет, наблюдая обычаи “века амбиций”. В первую очередь это было время изобилия: метаморфоз оказался в сотню раз сильнее и в десять раз быстрее, чем во время Промышленной революции, породившей современную Англию. Китайцы уже не голодают (средний горожанин потребляет в шесть раз больше мяса, чем в 1976 году), но люди жаждут новых впечатлений, идей и уважения. Китай – крупнейший в мире потребитель нефти, кинофильмов, пива и платины. Там строят больше высокоскоростных железных дорог и аэропортов, чем во всех остальных странах.

Некоторым экономический бум доставил состояние: число миллиардеров в Китае растет быстрее, чем где бы то ни было. Среди плутократов есть и прожженные мошенники, и высокие начальники, и промежуточные варианты. Однако большинству населения расцвет лишь позволил сделать неуверенные шаги в сторону от нищеты. Это самый заметный единовременный рост благосостояния в современную эпоху. В 1978 средний доход в Китае составлял эквивалент двухсот долларов. К 2014 году он достиг шести тысяч. Люди получили возможность жить дольше, быть здоровее и получать лучшее образование.

Смысл происходящего часто ускользал от меня. Приходилось обращаться к статистике. За годы моей работы в Китае протяженность линий пекинского метро увеличилась вчетверо, объем продаж мобильных телефонов – втрое, а объем пассажирских авиаперевозок удвоился. Но цифрами я был впечатлен меньше, чем не поддающейся измерению переменой: еще поколение назад туристы удивлялись однообразию страны. Для иностранцев Мао был “повелителем синих муравьев”, светским божеством страны спецовок и производственных бригад. Стереотипное представление о китайцах как о безликих и бесчувственных роботах частично сохранилось и сейчас: официальный Китай напоминал гостям, что это нация рабочих отрядов, коммун, самопожертвования.

---

¹ Пер. В. Сухорукова. – *Прим. пер.*

Но в том Китае, который увидел я, национальная история, некогда монолитная, распалась на тысячи личных историй. Это время, когда амбиции деревенского правоведа могут подвергнуть испытанию отношения между двумя могущественными государствами. Это эпоха, когда крестьянская дочь может перейти от сборочного конвейера в зал заседаний совета директоров так быстро, что ей не хватит времени избавиться от деревенских манер и страхов. Это момент, когда личность становится движущей силой политической, экономической и частной жизни, а индивидуальность – качеством настолько важным для нового поколения, что сын шахтера может посчитать самым главным для себя – увидеть свое имя на книжной обложке.

От наступления “века амбиций” более всех выиграла Коммунистическая партия. В 2011 году она отпраздновала девяностолетний юбилей – хотя в конце холодной войны это казалось немыслимым. Лидеры Китая поклялись не повторить ошибок Советского Союза. В 2011 году, когда рушились арабские диктатуры, КПК устояла. Партия отказалась от священных книг, но сохранила святых: Маркса забыли, но портрет Мао на площади Тяньаньмэнь – оставили.

Партия уже не обещала равенство или отмену тяжелого труда – она сулила процветание, гордость и силу. Некоторое время люди довольствовались этим. Потом они стали желать большего и, наверное, ничего не возжаждали так сильно, как информации. Новые технологии внесли разлад в непрозрачную политическую культуру, тайны перестали быть тайнами, а люди, когда-то разобщенные, объединились. И чем больше партия пыталась ограничить распространение информации, тем настойчивее ее требовали рядовые китайцы.

Китай раздирают противоречия. Это крупнейший в мире рынок сбыта для “Луи Виттон” и второй (после США) – для “Роллс-Ройс” и “Феррари”. При этом страной правит марксистско-ленинская партия, вымарывающая слово “роскошь” на билбордах. Разрыв в показателях продолжительности жизни и доходов в богатейших городах Китая и его беднейших провинциях такой же, как между Нью-Йорком и Ганой. В Китае две самые дорогие в мире ИТ-компании и больше интернет-пользователей, чем в США, – и при этом правительство делает все для ограничения свободы выражения. Китай никогда не был настолько ярким, урбанизированным и процветающим, как теперь. И все же это единственная страна, где лауреата Нобелевской премии держат за решеткой.

Нынешний Китай иногда сравнивают с Японией 80-х годов: за сто квадратных метров в центре Токио тогда платили миллион долларов, а магнаты потягивали коктейли со льдом из самой Антарктиды. Однако к 1991 году в Японии наступила сильнейшая в истории современного капитализма дефляция. Впрочем, это лишь поверхностное сходство: когда “пузырь” лопнул, в Японии была зрелая экономика, а Китай остается бедной страной и средний китаец зарабатывает столько, сколько средний японец в 1970 году. С другой стороны, чеканящие шаг военные, перебежчики и диссиденты напоминают о временах Советского Союза и даже нацистской Германии. Однако Китай не угрожал “закопать” Америку, как Хрущев, и самые пламенные националисты здесь не желают расширения империи или этнических чисток.

Сильнее всего Китай напоминает мне Америку эпохи ее трансформации, названную Марком Твенем и Чарльзом Д. Уорнером “позолоченным веком”: тогда у каждого человека была своя собственная мечта. США после Гражданской войны начали выплавлять больше стали, чем Великобритания, Германия и Франция вместе взятые. В 50-х годах XIX века в Америке насчитывалось менее двух десятков миллионеров. К 1900 году их стало 40 тысяч. Некоторые из них были горды и самоуверенны, как Джеймс Гордон Беннет, купивший в Монте-Карло ресторан, где ему отказали в месте у окна. Рост Америки, как и Китая, сопровождался грандиозными аферами. “Наш способ ведения дел, – говорил железнодорожный магнат Чарльз Ф. Адамс-младший, внук и правнук президентов, – основан на обмане, хитрости и воровстве”. Фрэнсис Скотт Фицджеральд рассказал историю о Джеймсе Гэтце из

Северной Дакоты, который бросился в новый мир в тщетной надежде найти любовь и богатство. Глядя на растущие китайские города, я думал о Нью-Йорке Гэтсби – так, “будто видишь его впервые, будто он впервые безрассудно обещает тебе все тайное и все прекрасное, что только есть в мире”².

Китай начала XXI века включает в себе две вселенные: мировую сверхдержаву и самый могущественный на планете авторитарный режим. Иногда я проводил утро в компании нувориша, а вечер – вместе с диссидентом, находящимся под домашним арестом. Было соблазнительно счесть их олицетворением нового и старого Китая, персонификацией изолированных друг от друга сфер экономики и политики, но в конце концов я решил, что Китай все-таки един, а контраст обусловлен обстоятельствами.

Эта книга – о противоречиях авторитарного начала и движения к новому. Сорок лет назад китайский народ почти не имел доступа к богатству, истине и вере, которых его лишили политика и нищета. У людей не было возможности заняться бизнесом или воплотить свои желания, не было сил сопротивляться пропаганде и цензуре, не было морали, кроме партийной. Получив все это, они захотели большего. Китайцы самостоятельно стали решать, где им работать, путешествовать, на ком жениться. Партия сделала неуверенные шаги к признанию этих завоеваний. Но желание аппаратчиков определять не только то, как управлять государством, но и, например, сколько зубов проводник поезда должен обнажать при улыбке, явно противостоит буйству жизни. Чем дольше я жил в Китае, тем сильнее чувствовал, что народ опережает политическую систему. Партия спровоцировала величайший рост человеческого потенциала в истории – и породила, возможно, величайшую угрозу своему существованию.

Это документальная книга. Восемь лет в Китае я встречался с людьми устремленными, пробивающими себе дорогу из одной реальности в другую отнюдь не только экономически: это же касалось политики, идей, религии. Я познакомился со многими из них, когда писал для “Чикаго трибьюн”, а после для журнала “Нью-Йоркер”. Для американского корреспондента было большим искушением позавидовать тому, в чем Китай силен, и осудить все остальное. Но я старался показать китайцев такими, какими они сами себя видят.

На китайскую историю XXI века нередко смотрят под углом соревнования между Востоком и Западом, между государственным капитализмом и свободным рынком. Но на передний план выступает другое: битва за право определять, что такое Китай. Чтобы понять эту страну, нужно не просто измерять яркость и теплоту, но и видеть источник всего этого – людей преображенного Китая.

---

² Пер. Е. Калашниковой. – *Прим. пер.*

Часть I Богатство

Глава 1 Освобожденные

Шестнадцатое мая 1979 года. Маленький островок у побережья континентального Китая. При свете Луны двадцатилетний армейский капитан, пробравшись сквозь сосновый лес, направился к кромке воды. Он двигался настолько тихо, насколько мог: если его схватили бы, он погиб.

Линь Чжэнгуэй был образцовым офицером, одним из самых известных молодых военных Тайваня. Уже три десятилетия остров сопротивлялся коммунистам, захватившим Китай, и капитан Линь был символом этого сопротивления: блестящим студентом, оставившим мирную жизнь ради армии. Это было столь необычным решением, что будущий президент Тайваня посчитал себя обязанным пожать Линю руку. Фотографию напечатали все газеты, и молодой человек стал лицом “священного контрнаступления” – проекта возвращения континентального Китая под контроль тайваньского правительства.

Капитан (рост – почти метр восемьдесят, хорошая выправка, широкий плоский нос и торчащие уши) получил назначение на самый важный участок фронта: островок Куэмой (в Китае известный как Цзиньмэнь) всего в полутора километрах от каменистого берега континентального Китая. Однако у капитана Линя имелся секрет – настолько опасный, что он не решился открыть его даже жене, которая осталась дома с их сыном и была беременна вторым ребенком. Линь ощутил, как меняется ход истории: после тридцати лет потрясений Китай стал привлекателен для тайваньцев, желавших воссоединения страны. Однако солдат, пытающихся дезертировать на материк, расстреливали на месте. Побег стали редки. Но Линь слышал зов. Близилось время перемен. Капитан верил, что Китай – и он сам – будет процветать.

В темноте он нашел песчаную тропу вниз, на берег, с заминированного склона. Ветер качал изогнутые сосны. Вода, днем выглядевшая зеленым кристаллом, сейчас казалась бесконечной темной волнующейся массой. Волны встречали длинные металлические копья, установленные для защиты от десанта.

Перед тем как выйти из-под тени деревьев к кромке воды, капитан снял ботинки. Теперь он был готов – отказаться от сослуживцев, семьи, от своего имени.

Почти все, пытавшиеся пересечь пролив, направлялись в другую сторону – с континента на Тайвань. В 1979 году Китайская Народная Республика была очень негостеприимным местом.

В XIX–XX веках Китай (в XVIII веке располагавший третью мирового капитала, с городами столь же богатыми, как английские или голландские) был разорен иноземными вторжениями и гражданской войной. В 1949 году к власти пришли коммунисты, и партия провела земельную реформу, сведя семейные хозяйства в колхозы и перебив миллионы бывших землевладельцев и тех, кого сочли врагами. В 1958 году Мао, решивший за пятнадцать лет догнать и перегнать Великобританию, объявил о необходимости “большого скачка”. Некоторые советники объясняли ему, что это невозможно, но он игнорировал и унижал их: глава технического комитета, не выдержав оскорблений, выбросился из окна. Пропаганда трубила о фантастических (“спутниковых”) урожаях, но лозунги не помогали, начался голод,

а жалобщиков могли пытаться или даже убить. Людям не разрешали искать пропитания вне родных мест. Большой скачок обернулся голодом, погубившим 30–45 миллионов человек – больше, чем Первая мировая война. Ко времени побега Линя в КНР страна стала беднее даже Северной Кореи. Доход на душу населения равнялся трети показателя африканских государств, лежащих южнее Сахары.

К тому моменту семидесятипятилетний Дэн Сяопин возглавлял Китай менее полугода. Он был прямолинейным человеком, дважды отстраненным Мао от власти и дважды реабилитированным. Позднее партийные историки приписали успех страны лично ему, но Дэн понимал ограниченность своих знаний в вопросах экономики. Самым ловким его ходом стал союз с Чэнь Юнем, партийным патриархом, который настолько скептически относился к Западу, что готовился к реформам, читая ленинский “Империализм как высшая стадия капитализма”, и молодым лидером Чжао Цзяньном, чьи усилия по искоренению бедности породили крестьянскую поговорку: “Хочешь есть – ищи Цзяня”.

Перемены пришли снизу. Жители деревни Сяоган из-за политических авантюр обнищали настолько, что забросили землю и приготовились попрошайничать. Восемнадцать смельчаков поделили заброшенные участки между собой и начали работать, продавая излишки на рынке и получая прибыль. Они условились держать все в тайне и защищать семьи друг друга в случае ареста.

В следующем году “заговорщики” заработали в двадцать раз больше, чем получали прежде. Когда эксперимент открылся, некоторые партийные функционеры обвинили их в “подрыве основ социализма”, но руководители поумнее позволили продолжать, и со временем примеру этих восемнадцати последовали восемьсот миллионов крестьян по всему континентальному Китаю. “Поветрие” самостоятельного хозяйствования распространилось так быстро, что крестьяне сравнили его с заразой в курятнике: “Когда у одной семьи заболела курица, болезнь подхватывает вся деревня. Когда подхватывает одна деревня, болеет вся округа”.

Лидеры Китая постоянно конфликтовали между собой, но сочетание харизмы Дэна, нежелания Чэня торопиться и компетентности Чжао оказалось удивительно успешным. Построенная ими модель просуществовала десятилетия: в рамках “экономики птичьей клетки”, как назвал ее Чэнь Юнь, рынок мог процветать, но оставался под контролем. В годы своей революционной молодости нынешние патриархи наблюдали истребление землевладельцев, захват фабрик и организацию народных коммун. Теперь они сами отказывались от завоеваний революции, разрешая частное предпринимательство и открывая окно в мир, даже если, по выражению Дэна, при этом в дом попадают комары и мухи. У реформ не было аналогов. Стратегия, сформулированная Чэнем, заключалась в том, чтобы не терять контроль над ситуацией: “Переходить реку, нащупывая каждый камень”. (Эту фразу, конечно, приписали Дэну.)

В 1979 году партия объявила, что не будет клеймить позором “землевладельцев” и “кулаков”. Позднее Дэн стер последнее клеймо: “Пусть некоторые разбогатеют первыми и постепенно разбогатеют все”. Партия расширила рамки экономического эксперимента. Частные предприятия были вправе нанимать не более восьми работников (Маркс считал эксплуататорскими фирмы более чем с восемью работниками), однако малых предприятий стало так много, “словно армия появилась разом из ниоткуда”. “И это не заслуга центрального правительства”, – объяснил Дэн югославской делегации.

По всему Китаю крестьяне выходили из колхозов, прежде определявших их жизнь. Они называли себя *сунбан*, “освобожденными”: этот глагол чаще используется по отношению к узникам или животным. Люди заговорили о политике и демократии. Но терпение Дэна Сяопина было не беспредельным. В марте 1979 года, незадолго до побега капитана Линя, Дэн заявил: “Можем ли мы терпеть такого рода свободу слова, которая вопиющим образом

нарушает нашу Конституцию?» Партия не примет “индивидуалистичную демократию”. Она предпочтет экономическую свободу при сохранении политического контроля.

Линь Чжэнгуэй родился в 1952 году, через три года после того, как Китайская республика и КНР зашли в идеологический и политический тупик. Проиграв в 1949 году войну коммунистам, националисты эвакуировались на Тайвань, объявили там военное положение и стали готовиться к возвращению на континент. Жизнь на острове была суровой. Линь вырос в городе Илань на северо-востоке Тайваня. Его предки перебрались сюда давным-давно, но эвакуировавшиеся с материка националисты смотрели на них свысока.

Отец будущего капитана Линь Хуошу владел парикмахерской, а мать работала прачкой. Семья жила в хижине на окраине города. Отец рассказывал детям о древней китайской науке, об искусстве управления, о цивилизации, печатавшей книги за четыреста лет до Гутенберга. Он читал им вслух классику – “Троецарствие”, “Путешествие на Запад” – и заронил в сердце мечту о возрождении Китая. Своему четвертому сыну он дал имя Чжэнгуэй, “справедливость”.

Ребенком Линь удивлялся, как получилось, что, несмотря на великую отечественную историю, семья едва может прокормить себя. Его старший брат не спрашивал мать, есть ли в доме еда. Это был неприличный вопрос: “Он просто подходил к очагу. Если очаг был теплым, значит, у нас был обед”. В противном случае семья оставалась голодной. Этот опыт выработал у Линя прагматическую жилку. Он стал воспринимать проблему человеческого достоинства преимущественно через призму истории и экономики.

В юности Линь увлекся рассказами об инженерном деле и деяниях древних администраторов вроде Ли Вина (III в. до н. э.) из провинции Сычуань, который обуздал свирепые наводнения, посвятив восемь лет постройке канала через горы. Тысячи рабочих раскалывали камни, нагревая их подожженной соломой и остужая водой. Результатом их трудов стала обширная и долговечная ирригационная система, превратившая один из беднейших регионов в местность столь плодородную, что сейчас ее называют “райской землей”.

В 1971 году Линь, самый способный в семье, получил долгожданное место в Национальном университете Тайваня и стал изучать ирригацию. Чтобы оплатить обучение, трое его братьев оставили школу и стали работать в парикмахерской. Линь поступил в колледж, когда кампус кипел от споров о будущем Тайваня и континентального Китая. Тайваньцев учили, что материковым Китаем заправляют “бандиты” и “демоны”. Правительство Тайваня использовало эту угрозу, чтобы оправдать военное положение на острове, и ущемляло права политических оппонентов и сочувствующих коммунистам.

Но к тому времени, как Линь поступил в университет, положение Тайваня стало ненадежным. Влияние же материкового Китая, напротив, росло. В июле 1971 года президент Никсон объявил о подготовке визита в Пекин. В октябре ООН проголосовала за передачу Тайванем Китайской Народной Республике места постоянного члена Совета Безопасности, признав КНР законным представителем китайского народа. В этой обстановке пыл Линя пришелся очень кстати. Первокурсники избрали его своим президентом, и вскоре он стал одним из самых заметных молодых активистов Тайваня. На студенческом съезде под лозунгом “Дадим отпор коммунистическим бандитам, пролезшим в ООН” Линь взял микрофон и призвал к повсеместному протесту. Это предложение оказалось настолько радикальным для эпохи военного положения, что у других не хватило духу его поддержать. В другой раз Линь поклялся объявить голодовку, однако декан отговорил его.

Когда Линь объявил, что переводится в военную академию, он объяснил репортерам: “Если мое решение стать военным способно внушить нашей молодежи чувство национальной гордости... то его воздействие неоценимо”. У Линя имелись и практические соображения: в военной академии он мог не только бесплатно учиться, но и получать стипендию.

Еще студентом Линь познакомился с девушкой по имени Чэнь Юньин – активисткой, изучавшей литературу в Государственном университете Чжэнчжи. Закончив учебу, они поженились, у них родился сын. После двух лет магистратуры по специальности “Деловое администрирование” Линя отправили командовать ротой на Куэмой, “маяк свободного мира”: то был ближайший к матерiku клочок земли, контролировавшийся Тайванем. Когда-то коммунисты и националисты обстреливали друг друга настолько интенсивно, что тайваньцы буквально перекопали островок: бункеры, подземные столовые... Госпиталь глубоко в скале выдержал бы и ядерный удар.

В 1978 году, к приезду Линя, война велась скорее психологическая. Противники стреляли друг в друга по расписанию: материк – по нечетным дням, тайваньцы – по четным. На передовую вышли пропагандисты. Они пускали в ход огромные динамики, рассыпали с воздушных шаров листовки и бросали в воду стеклянные контейнеры величиной с грейпфрут с предметами, которые должны были смутить покой противника. Тайвань слал пинапкартинки и газеты, а также инструкции по изготовлению простого радиоприемника, нижнее белье, кассеты с поп-музыкой и щедрые посулы перебежчикам. Материк поставлял алкоголь, чай, дыни и памфлеты с фотографиями улыбающихся тайваньских дипломатов и ученых, уехавших на континент – “выбравших свет вместо тьмы”.

В декабре 1978 года президент Джимми Картер объявил: США признают пекинское правительство и разрывают дипломатические отношения с Тайванем. Эти известия похоронили надежду на то, что остров вернет себе контроль над материком. На Тайване, сообщала газета, “люди дергались, будто кошка, пытающаяся пересечь оживленную улицу, где с каждой минутой все больше машин”. В первый день 1979 года Пекин объявил о прекращении обстрелов Куэмой и распространил обращение к народу Тайваня: “Светлое будущее... есть и у нас, и у вас. Воссоединение родины – священная миссия, которую история доверила нашему поколению”.

16 февраля Линя перевели еще ближе к матерiku – на командный пункт на открытой всем ветрам скале Ма, “переднем крае вселенной”. Хотя перевод туда считался престижным, Линь возмутился. Он угодил в ссылку, хотя мог бы преподавать в военной академии или сдать экзамен на руководящую должность. На островок любили приезжать политики, желавшие сфотографироваться с молодыми патриотами в мундирах. В апреле Линь получил увольнительную, чтобы увидеться с семьей и друзьями. Однажды вечером капитан заявил своему бывшему однокурснику Чжан Цзяшэну: Тайвань преуспеет лишь тогда, когда будет процветать материковый Китай.

Вернувшись на Ма, Линь оказался настолько близко к континенту, что мог разглядеть в бинокль лица солдат Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Он задумался. Хотя тайваньские националисты и коммунисты в КНР были врагами, в них видели единый народ с общей историей. Как и во время Гражданской войны в Америке, некоторые семьи оказались разделенными. Например, один мужчина отправился по просьбе матери на материк за покупками незадолго до того, как коммунисты перерезали морское сообщение, – и целых сорок лет не мог вернуться домой.

В первые годы после разрыва некоторые солдаты пытались бежать на материк, но сильное круговое течение несло обессиленных перебежчиков назад. Чтобы удержать остальных, военные испортили большинство рыбацких лодок на острове, а владельцы немногих оставшихся должны были прятать их на ночь. Все, чем можно было воспользоваться как плавающим средством (баскетбольные мячи, велосипедные камеры и так далее), следовало регистрировать, будто оружие, и солдаты время от времени устраивали обыски, вышибая двери и требуя доказать, что мячи и камеры учтены.

Той весной один солдат предпринял редкую уже попытку сбежать – и был пойман. Линя это не испугало. Он верил в успех своего плана, но хотел минимизировать последствия побега для своих командиров. В мае ему обещали перевод, и Линь решил ждать этого момента: офицеры станут переключивать друг на друга вину и смогут избежать серьезных неприятностей. Кроме того, весна была сезоном туманов. Теплый воздух встречался с холодной водой, окутывая берег пеленой, которая вполне может скрыть человека.

С каждым днем течения усиливались, а к лету бороться с волнами стало бы невозможно. Линь понимал, что если он хочет добраться до материка, медлить нельзя.

Утром 16 мая капитан был на посту. Он попросил у писаря Ляо Чжэньчжу таблицу приливов: высшая точка приходилась на 18.00, а потом начинался отлив.

После заката Линь присутствовал на собрании в штабе батальона. Вернулся он на Ма к ужину. В 20.30 писарь Тхун Чхинъяо подошел к его столу, чтобы сказать: нужно забрать новобранца из штаба батальона. Час спустя, когда Тхун вернулся, Линя уже не было в столовой.

Не было его и в казарме. В 22.50 его отсутствие заметили и организовали поиски. К полуночи Линя искали сто тысяч человек: солдаты и гражданские, мужчины, женщины и дети. Перерыли крестьянские амбары и прощупали пруды бамбуковыми шестами. Потом обнаружили улики: след, ведущий от Ма через минное поле к берегу, кроссовки на песке, подписанные “Командир роты”. А из комнаты Линя пропали фляга, компас, аптечка, флаг роты и спасательный жилет.

К тому времени капитан был уже далеко. От командного пункта до серо-коричневых валунов на берегу было всего триста метров. Там Линь вошел в воду. Он вычислил, что сделать это нужно до отлива, то есть до 22.00.

За два дня до побега Линь инспектировал посты на берегу и приказал молодым новобранцам быть начеку. Он пошутил тогда: если ночью увидите пловцов, не проявляющих агрессии, не стреляйте – возможно, это водяные духи, вы их разозлите. На Тайване многие верили в приметы и духов, и мимолетного упоминания командира было достаточно, чтобы нервный подросток дважды подумал, прежде чем поднять тревогу.

Линь плыл быстро. Течение тянуло его, но вскоре он покинул мелководье и оказался между небом и морем. Ему нужно было достичь середины пролива: тогда прилив сам нес бы его остаток пути.

Он плыл вольным стилем, пока не устал, а потом лежал на спине, чтобы восстановить силы. Три часа спустя, почти окоченевший, он достиг суши. Это была восточная оконечность материкового Китая – островок площадью двадцать четыре гектара. Здесь не было ничего, кроме солдат и пушек. Линь знал, что берег заминирован. Вместо того чтобы выйти на берег, он вынул из полиэтиленового пакета одежду и фонарик. Замерзшие пальцы нащупали кнопку. Линь подал сигнал. На берегу стали собираться солдаты.

Листовки сулили перебежчикам радушный прием и золотые горы. Вместо этого Линь Чжэнгуа арестовали.

Глава 2

Зов

Всякое путешествие в Китай начинается с притяжения. Американский писатель Джон Херси, родившийся в семье миссионеров в Тяньцзине, назвал это “зовом”.

На первом курсе я посещал вводные занятия по современной китайской политике. Речь шла о революции и гражданской войне, о метаниях председателя Мао, о падении и восхождении Дэн Сяопина, который вернул Китай миру. Всего пять лет прошло со времени демократических манифестаций 1989 года, когда студенты, не многим старше меня, поставили палаточный городок на площади Тяньаньмэнь, в сердце власти компартии – маленькое государство в государстве, жившее импульсивным идеализмом. По телевизору казалось, что они будто разрываются между Востоком и Западом: они были лохматы, у них были магнитофоны и цитаты из Патрика Генри, однако пели они “Интернационал” и вставали на колени, чтобы обратиться с просьбой к людям во френчах, как у Мао. Один студент говорил репортеру: “Я не знаю точно, чего мы хотим, но мы хотим этого побольше”. Манифестации закончились бойней в ночь с 3 на 4 июня под рев громкоговорителей: “Здесь не Запад, здесь – Китай!” Политбюро впервые после революции использовало НОАК против народа. Партия гордилась тем, что справилась с угрозой, но, осознавая ущерб собственному имиджу, в последующие годы так тщательно стирала эти события из истории, что уцелели только их призрачные контуры.

Заинтересовавшись Китаем, я полетел в 1996 году в Пекин, чтобы полгода изучать там язык. Город меня ошеломил. Никакие съемки не могли передать, насколько ближе он был, по духу и географически, открытым всем ветрам монгольским степям, чем неоновым огням Гонконга. Пекин пах углем и чесноком, дешевым табаком и шерстью. В трескучем такси с закрытыми окнами и включенным на всю мощность обогревателем запах прилипал к нёбу. Пекин лежал между гор на Северо-Китайской равнине, и зимой ветер из земель Чингисхана хлестал по лицу.

Пекин показался мне шумным и малопривлекательным местом. Одним из самых приятных зданий в городе была гостиница “Цзянго”, которую ее архитектор с гордостью назвал идеальной копией “Холидей-инн” в Пало-Альто. Экономика Китая уступала итальянской. Чувствовалась близость деревни: чаще всего я ужинал в “синцзянском” мусульманском квартале, где жили уйгуры. У крошечных ресторанчиков из серого кирпича топтались пугливые овцы, во время обеда одна за другой исчезающие на кухнях. Вечером, когда поток посетителей иссякал, официантки и повара забирались на столы и там спали.

Интернет пришел в Китай двумя годами ранее, однако на сто человек приходилось лишь пять телефонных линий.

Я привез из США модем и включил его в розетку в спальне. Он издал громкий хлопок и больше не включался.

Когда я впервые побывал на площади Тяньаньмэнь, я увидел по трем ее сторонам Мавзолей Мао, Дом народных собраний и сами Тяньаньмэнь – Врата Небесного спокойствия. Но не было, разумеется, и следа демонстраций, и ничего на площади не поменялось с 1977 года, когда останки Мао положили в стеклянный саркофаг. Для меня, иностранца, было большим искушением, осмотрев монументы в сталинском духе, счесть, что компартия обречена. Тем летом “Нью-Йорк таймс” напечатала статью “Долгий путь к неуместности”, где говорилось: “некогда вездесущей партии” уже “почти не видно”.

Одна сторона площади была посвящена будущему. Гигантское табло (16 метров в высоту и 9,6 метра в ширину) с электронными часами, которые отсчитывали секунды до

того момента, как гласила надпись, когда “китайское правительство восстановит суверенитет над Гонконгом”. Менее чем через год Великобритания планировала вернуть Китаю Гонконг, приобретенный ею после победы в Первой опиумной войне (1842). Китайцы отчаянно отрицали историю завоеваний, когда они были “разделены, как дыня” между иностранными державами, и возвращение Гонконга должно было стать символом восстановления чести Китая. Перед часами фотографировались туристы и молодожены.

Возвращение Гонконга вызвало патриотический подъем. После почти двадцати лет реформ и вестернизации китайские писатели обрушились на Голливуд, “Макдоналдс” и американские ценности. Бестселлером в то лето стала книга “Китай может сказать ‘Нет’”. Авторы – группа молодых интеллектуалов – осуждали китайскую “одержимость Америкой”, которая, по их мнению, подавила национальное творческое начало диетой из виз,граничной помощи и рекламы. В книге говорилось, что если Китай не станет сопротивляться “культурному удушению”, то будет “порабощен” и история национального унижения продолжится. Китайское правительство, опасаясь стихийно распространяющихся идей (пусть и полезных для него), изъяло книгу из продажи. Однако у нее появилось множество подражаний (“Почему Китай может сказать ‘Нет’”, “Китай все еще может сказать ‘Нет’” и “Китай всегда должен говорить ‘Нет’”). Первого октября, когда китайцы праздновали День образования КНР, передовица в “Жэньминь жибао” напоминала: “Патриотизм требует от нас любви к социалистическому строю”.

Два года спустя я вернулся в Китай, чтобы учиться в Пекинском педагогическом университете. Почти все, что я знал об этом учебном заведении, относилось к 1989 году. Учащиеся Пекинского педагогического были среди самых активных участников демонстраций на Тяньаньмэнь: бывало, на площадь выходило до 90 % студентов университета. Однако почти всех, кого я встретил тем летом, одолевала жажда потребления. Трудно представить, насколько все переменялось. В дни расцвета социализма вышел фильм “Никогда не забудем” о человеке, которого свело с ума желание заполучить новый шерстяной костюм. А теперь в Китае выходил журнал “Руководство по покупке эксклюзивных товаров”, публикующий материалы вроде “Кто получит дом после развода?” Статья о напитках называлась “Мужчины, выбирающие газировку” (они славны своим “самоуважением, у них есть идеалы и амбиции”, они “нетерпимы к посредственности”).

Китайское правительство предложило народу сделку: процветание в обмен на лояльность. Мао боролся с буржуазными излишествами. Нынешние китайские лидеры поощряли стремление к хорошей жизни. В первую же зиму после демократических манифестаций рабочие в Пекине получили больше мяса, курток, одеял, шипучки и растворимого кофе. Город запестрел плакатами: “Займи деньги и воплоти свою мечту”.

Люди привыкали отдыхать. Всего два года прошло с тех пор, как рабочая неделя сократилась с шести до пяти дней. Потом правительство перекроило календарь, и появилось нечто доселе невообразимое: трехнедельный отпуск. Китайские ученые в ответ занялись “изучением досуга”, который ознаменовал “новый этап общественного развития”. Однажды в выходные я присоединился к своим сокурсникам-китайцам, собравшимся во Внутреннюю Монголию. Поезд был переполнен, а вентиляционная система накачивала в вагон дизельные выхлопы. Но никто не жаловался: определенное удовольствие заключалось уже в том, чтобы куда-нибудь ехать.

После колледжа я работал репортером в Чикаго, Нью-Йорке и на Ближнем Востоке. В 2005 году в “Чикаго трибьюн” меня спросили, не желаю ли я вернуться в Китай. Я забрал вещи из квартиры в Каире и душной июньской ночью приземлился в Пекине. Около 250 миллионов китайцев тратили в день менее доллара с четвертью. Игнорировать при описании нового Китая огромную долю его населения, почти равную населению США, – крупная

ошибка, но увидеть ее можно, лишь осознав масштаб и темп перемен в стране. Я не узнал Пекин. Я стал искать в мусульманском квартале овец, но их убрали с улиц ради “городской эстетики”. Доходы населения росли со скоростью, прежде не виданной ни в одной большой стране. В мой прошлый приезд в Китай доход на душу населения равнялся трем тысячам долларов (показатель США в 1872 году). Соединенным Штатам понадобилось 55 лет, чтобы дойти до семи тысяч. Китай справился за десятилетие.

Теперь КНР каждые шесть часов экспортировала столько же товаров, сколько за весь 1978 год, то есть незадолго до того, как капитан Линь Чжэнгуэй сбежал на материк. К Линю меня привела экономика. Я допытывался у ученых, что вызвало перемены в Китае, а Линь к тому времени стал видным экономистом. Ему исполнилось шестьдесят. Короткие седые волосы, густые брови, очки в тонкой оправе, спадавшие с носа... Я ничего не знал о его прошлом. Когда я назвал его имя другому экономисту, тот предположил, что судьба Линя расскажет мне о причинах китайского бума больше, чем все мои книги.

Когда я впервые спросил об этом Линя, он вежливо ответил: “Это давняя история”. Он редко рассказывал о побеге. Мне это было понятно, но любопытство мое росло. После нашей первой встречи я много раз навещал Линя. Мы обсуждали его последние работы, и в какой-то момент он решился ответить на вопросы о своем прошлом. Я выправил нужные документы и посетил Тайвань. Линь, по его словам, хотел просто “испариться”.

Чтобы найти прежний, знакомый мне Китай, я отправился в деревню. Это был Китай из книг и живописи тушью. Месяц я провел в провинции Сычуань, путешествуя пешком и автостопом. Я ночевал в казавшихся полузаброшенными селениях, откуда зов большого города выманил всех, кроме тех, кто был слишком стар или мал, чтобы подчиниться ему.

Деревенские старожилы шутили, что когда они умрут, рядом не окажется человека достаточно сильного, чтобы нести гроб.

Было время, когда китайские города казались островами в море нищих деревень. Теперь Китай еженедельно застраивал территорию, по площади сопоставимую с Римом, и в юн году оказался страной городов, а не деревень. Я испытывал особое чувство, въезжая в город-протей с милями неразмеченного пустого асфальта и домами, в которых пока не живут. Когда друг-китаец спросил меня, какой из американских городов следует посетить во время следующей поездки в США, а я назвал Нью-Йорк, он ответил настолько тактично, насколько мог: “Всякий раз, когда я там бывал, он выглядел одинаково”. Я никогда не отказывался от приглашения в Пекин: места и люди испарялись прежде, чем появлялся шанс увидеть их снова.

Когда я искал, где поселиться, я видел рекламу “Мерлин шампейн таун”, “Винис уотер таухаусис” и “Мунривер ризорт кондо”. В итоге я выбрал “Глобал трейд мэншн” – остров среди строительного океана. Неизвестные проектировщики установили там звуконепроницаемые окна: постояльцам в обозримом будущем предстояло быть окруженными шумом. Я жил на 27-м этаже и по утрам перед работой изучал китайский у окна, наблюдая за небольшой армией в оранжевых касках и никогда не останавливавшимся подъемным краном. Ночью являлась новая смена, так что отблески от сварочных аппаратов мерцали в окнах непрерывно. “Глобал трейд мэншн” казался вполне подходящим местом для уяснения того, что именно подразумевает компартия под “социализмом с китайской спецификой”.

Спустя девять лет после того, как “Таймс” объявила об уходе КПК со сцены, партия стала богаче и влиятельнее, чем когда-либо. Она насчитывала восемьдесят миллионов членов (каждый двадцатый взрослый китаец), а организованная оппозиция полностью отсутствовала. Это позволяло партии создавать ячейки в самых вестернизированных технологических компаниях и хеджевых фондах. Китай представлял собой высокоразвитую диктатуру – но без диктатора. Правительство было ответственно перед партией. Партия назначала гене-

ральных директоров, католических епископов, редакторов журналов. Она рекомендовала судьям, как решать дела особой важности. Партия направляла военную верхушку. На низших уровнях партия использовала методы западных закрытых клубов: талантливая молодая журналистка, с которой я познакомился в Пекине, сказала, что вступила в партию в колледже, потому что это удваивало число доступных вариантов карьеры, а также потому, что один из любимых профессоров уговорил ее помочь выполнить партийную “квоту по девушкам”.

Когда я приехал в Китай, партия как раз занялась “образовательной кампанией по сохранению передового характера КПК”. По партийным меркам это было большим прогрессом. Никаких публичных обвинений, никакой привычной для 60-70-х годов конфронтации. Партия теперь попросту поощряла людей праздновать “красный юбилей” (годовщину их вступления в партию). Каждого коммуниста попросили написать отзыв о себе объемом две тысячи слов. Рынок почувствовал в этом шанс, и вскоре появились сайты, предлагающие образцы характеристик. Они начинались с необходимых извинений, вроде: “Я не уделял достаточно внимания развитию научного взгляда на мир”. Журналистка, вступившая в партию в колледже, попыталась рассказать о себе по-своему, но на ежемесячном собрании ее характеристику раскритиковали за отсутствие одобренных фраз, так что девушке пришлось вернуться к стандарту.

За семь лет моего отсутствия язык изменился. Словом “товарищ”, *тунчжи*, стали называть друг друга геи и лесбиянки. Однажды в банке я стоял в очереди. Пожилой человек, с нетерпением глядя вперед, призвал: “*Тунчжи*, давай поторопимся”, и два тинейджера согнулись от смеха. А слово, обозначающее официанток и продавщиц – *сяоцзе*, теперь употреблялось по большей части для обозначения проституток. И эти *сяоцзе* по всей стране стали пользоваться популярностью среди командированных.

Но сильнее всего меня поразили “амбиции”, *е синь*, дословно “дикое сердце”. В китайском языке выражение “дикое сердце” всегда указывало на варварскую необузданность и несбыточные мечты – как гласит старая поговорка, такова жаба, мечтающая проглотить лебедя. Более двух тысяч лет назад авторы трактата “Хуайнаньцзы” советовали правителям не давать важные должности людям амбициозным, а острые орудия – глупцам. Но вдруг все переменялось. Словосочетание “дикое сердце” зазвучало в ток-шоу. Полки магазинов ломались от книг вроде “Великие “дикие сердца”: взлеты и падения героических бизнесменов-первопроходцев” или “Как в двадцать лет иметь “дикое сердце””.

Когда летняя жара пошла на убыль, я отправился на встречу с человеком, о котором уже много слышал. Чэнь Гуанчэн был младшим из пяти братьев в крестьянской семье в Дуншигу, деревне с населением в полтысячи человек. Перенесенная в детстве болезнь сделала его слепым, и до семнадцати лет он не получал образования. Домашние читали ему книги. Чэнь слушал радио. Его вдохновлял пример отца: тот до взрослого возраста был неграмотным, а потом пошел в школу и в конце концов стал учителем.

Чэнь обучился массажу и иглоукалыванию, что было почти единственным доступным в Китае занятием для слепых. Однако его занимала юриспруденция, и он записался на курсы аудита. Отец подарил ему книгу “Юридическая защита для инвалидов”, и Чэнь просил родителей и братьев читать ему вслух. Он обнаружил, что его семья не получает положенных ей по закону налоговых льгот. Чэнь отправился в Пекин со своей жалобой и, к всеобщему изумлению, добился требуемого. Спустя некоторое время он женился на женщине, которая звонила в эфир радиошоу. Ее родители, как и большинство китайцев, не одобрили брак со слепцом, но она все равно вышла за Чэня.

В Дуншигу, где выращивали ячмень, соевые бобы и арахис, массажист со знанием юриспруденции оказался востребованным, и соседи стали обращаться к нему за помощью. Однажды он не позволил местным властям получить землю, чтобы сдавать ее потом кре-

стьянам в аренду по большей цене. В другой раз он закрыл бумажную фабрику, загрязняющую местную реку. Когда к нему приехал журналист, Чэнь сказал, что “самое важное для обычных людей – знать, что у них есть право” пожаловаться. Он был необычным явлением в мире китайской политики – не только из-за своей биографии, но и потому, что был активистом нового типа, менее понятным, чем обычные диссиденты.

В 2005 году, когда я услышал о Чэне, он собирал сведения о женщинах, которых принудили к аборт и стерилизации за нарушение закона “одна семья – один ребенок”. Когда те отказывались или бежали, местные власти брали в заложники их родителей, братьев и сестер. После того как Чэнь помог пострадавшим составить иск, его посадили под домашний арест.

Я отправился самолетом в Шаньдун, а оттуда на нескольких такси доехал до Дуншигу. В сонный полдень я добрался до узкого проселка. Я вышел из машины и пошел пешком. Чэнь жил в одноэтажном деревенском доме с оплетенными лозой каменными стенами и плакучей ивой у ворот. Во дворе висели выцветшие праздничные плакаты. Я почти приблизился к дому, когда путь мне преградили двое мужчин. Один был костлявый и с обветренными щеками, второй – коренастый и улыбчивый.

– Его нет дома, – сообщил мне коренастый. Он улыбнулся и подошел так близко, что я смог унюхать, что он ел за ланчем.

– Я думаю, он дома. Он меня ждет.

Коренастый ответил, что даже если Чэнь и дома, то гостей он точно не ждет. Начали подходить другие, по двое и трое. Один взял меня за руку и повел обратно к такси. Появилась милицмейская машина, и офицеры попросили у меня документы. Они сказали, что мне нельзя здесь находиться, и предложили: либо я еду в участок “отдохнуть”, либо убираюсь восвояси.

Коренастый больше не улыбался. Он требовал ответа, как я узнал о слепце из Дуншигу. “Из интернета”, – объяснил я. И по недоуменному выражению его лица понял, что с тем же успехом мог бы сказать: меня привели сюда феи. Коренастый открыл дверцу такси и толкнул меня внутрь.

Я рухнул в машину, и мы в сопровождении милиции выехали из деревни. Таксисту было любопытно, из-за чего сыр-бор. Я объяснил, что Чэнь собирал данные о злоупотреблениях в ходе осуществления политики “одна семья – один ребенок”, и водитель сказал, что знает место неподалеку, где люди жалуются на то же самое. Он отвез меня в городок Нигоу и высадил у магазинов на главной улице. На первом этаже был магазин удобрений, над ним – зарешеченное окно. Когда я вышел из такси, к окну шагнула женщина.

Я спросил, что она там делает. “Мы не можем уйти. Мы несвободны”. Женщина спокойно объяснила, что местные чиновники, отвечающие за контроль над рождаемостью, держат ее здесь, потому что невестка не согласилась ни на насильственную стерилизацию, ни на уплату штрафа (примерно равного ее годовому доходу) за слишком большое количество детей.

– Давно вы здесь?

– Три недели.

– И много вас?

– Пятнадцать.

Странная обстановка для интервью. Я стоял под окном, она смотрела сквозь решетку. Я огляделся. Люди спешили по своим делам. С одной стороны была парикмахерская, с другой – ларек с фруктами.

Отдел по контролю над рождаемостью находился через улицу. Человек за столом – начальник статистического отдела Вань Чжэньдун – сказал, что не знает ни о каком изоляторе, и прибавил, что люди, жалующиеся, будто они под арестом, чаще всего не желают пла-

тить штраф за то, что у них слишком много детей. “Политику [ограничения рождаемости], – заявил Вань, – приняло 99,9 % местного населения”.

Вернувшись в Пекин, я решил позвонить слепому Чэнь Гуанчэну. Линия молчала. Я не мог дозвониться до него месяцами. Юрист по имени Тэн Бяо не удивился моему рассказу о Нигоу. Люди называли эти импровизированные тюрьмы “черными”. Узнать, сколько их и где именно они находятся, крайне непросто. “Людям очень тяжело донести информацию до юристов или СМИ, – объяснил Тэн. – Местные власти изо всех сил стараются, чтобы никто про это не узнал”.

Интернет являлся загадкой для Дуншигу, но не для Пекина. Власти оценили потенциал Сети: страна опоздала к Промышленной революции, и теперь китайское правительство надеялось, что информационная революция поможет догнать Запад. Но вскоре энтузиазм угас. В 2001 году Цзян Цзэминь объявил интернет “политическим, идеологическим и культурным полем боя”. Когда я вернулся из провинции Шаньдун, Министерство общественной безопасности расширило перечень информации, официально запрещенной к распространению в Сети. Правительство, стремившееся категоризировать действительность, для начала запретило распространение информации девяти типов, например “слухов” и вообще всего, что способно “подорвать доверие” к государству. Теперь же список расширили до одиннадцати пунктов, включив в него “подстрекательство к незаконным собраниям” и “информацию о деятельности незаконных организаций граждан”.

Однако объем доступной информации непрерывно увеличивался. В начале 2005 года в Китае насчитывалось всего полмиллиона блогеров. К концу года их стало вчетверо больше, и правительство обязало ИТ-компании ввести систему “самодисциплины”, чтобы контролировать то, как люди пользуются Сетью. Шаг за шагом партия возводила Великий файервол – цифровую стену, скрывающую от китайских пользователей газетные статьи о лидерах КНР и доклады правозащитных групп. В конце концов партия распорядилась изгнать из Китая западные соцсети вроде “Твиттера” и “Фейсбука”. В отличие от Великой стены, цифровой вал постоянно эволюционировал, чтобы противостоять новым угрозам или порождать ощущение открытости. Нередко я узнавал, что нечто уже запрещено, пытаюсь набрать адрес – и получаю страницу с кодом ошибки вроде *HTTP 404*, “Страница не найдена”.

Партия преисполнилась решимости покарать тех, кто покушался на ее монополию в сфере информации. В 2004 году хунаньский журналист Ши Тао посетил планерку, где редактор передал инструкции насчет того, какие темы нельзя затрагивать во время годовщины протестов на Тяньаньмэнь. Тем же вечером Ши открыл свой электронный почтовый ящик (*huonyan 1989@yahoo.com.cn*) и переслал эти инструкции редактору *Democracy Forum*, сайта в Нью-Йорке. Два дня спустя пекинское управление госбезопасности обратилось к руководству *Yahoo! China* с запросом о владельце аккаунта, его адресах и содержании писем. Интернет-компания согласилась, и 23 ноября 2004 года Ши Тао арестовали. Его обвинили в “разглашении государственной тайны”. После суда, который длился два часа, Ши приговорили к десяти годам заключения.

Расправа с Ши стала демонстрацией силы: правительство старалось удержать контроль над обстоятельствами. Когда правозащитники раскритиковали *Yahoo!* за передачу властям КНР информации, соучредитель компании Джерри Ян возразил: “Если хотите заниматься бизнесом, приходится уступать”. Это не осталось незамеченным. На заседании подкомитета Конгресса, посвященном китайскому сегменту интернета, республиканец Крис Смит поинтересовался: “Если бы полвека назад тайная полиция захотела узнать, где прячется Анна Франк, стоило ли ради соблюдения местных законов делиться с нацистами этой информацией?” Однако руководство *Yahoo!* стояло на своем, и, когда мать Ши Тао подала в суд за причинение ее сыну вреда, компания ходатайствовала об отклонении иска.

Давление на компанию все росло. Осенью 2007 года республиканец Том Лантос (он пережил Холокост) вызвал Яна и глав других интернет-компаний на заседание сенатского Комитета по международным отношениям и заявил: “Вы – моральные пигмеи”. Мать Ши Тао выступила со слезными показаниями, и Ян трижды поклонился ей: “Я лично хочу извиниться перед вами”. Руководство *Yahoo!* уладило разногласия с семьей, однако Ши остался за решеткой. Китайцы усвоили: интернет никогда не станет пространством свободы.

Жить в “Глобал трейд мэншн” оказалось слишком спокойно и дорого, а мне нужно было практиковаться в китайском языке. Когда я предложил домовладельцу забрать страховой депозит в качестве квартплаты за последний месяц, он растерялся и постарался быстрее закончить разговор. Потом я понял, что предложил ему “менструацию” вместо “платы за месяц”.

Обширные городские районы были перестроены перед Олимпиадой 2008 года. Родившаяся в Пекине писательница Чжа Цзяньин, вернувшись в столицу после учебы в США, процитировала слова своего друга, описавшего город как пространство, где невозможно найти место для птичьей клетки. Последние районы старого Пекина представляли собой главным образом узкие улочки с одноэтажными, крытыми черепицей домами из серого кирпича и дерева. Заведенный здесь порядок сохранялся около семи веков. Такие кварталы были заложены еще при династии Юань. Их стали называть *хутунами*. Этот монгольский термин в китайском языке обозначает узкую улицу или аллею. Монголы использовали слово *хутун* для измерения расстояний. Еще в 1980 году в городе было шесть тысяч *хутунов*. Сейчас все они, кроме нескольких сотен, уже снесены, и на их месте выросли офисные здания и жилые комплексы. А из сорока четырех дворцов сохранился лишь один.

Я навел справки и нашел одноэтажный дом – № 45 по Цаочан-бэйсян. Большинство людей в старых домах пользовались общим туалетом за углом от моей входной двери. Но этот дом оснастили туалетами и сделали в нем четыре современные комнаты, окружающие небольшой сад с финиковым деревом и хурмой. Когда я назвал адрес Старому Чжану, шоферу “Чикаго трибьюн”, он неодобрительно покачал головой: “Вы двигаетесь в неправильном направлении. Вам нужно подниматься от земли к небу”.

Стены были пористыми, потолок в дождь протекал, а когда зима одержала верх над отоплением, я стал носить дома лыжную шапку. Под полом было налажено движение мышей, жуков и гекконов. Иногда свернутым в трубку журналом я убивал скорпиона. Зато у меня была возможность жить с открытыми окнами. Через улочку мой сосед для развлечения держал на крыше голубятню. Он привязывал к ногам птиц деревянные трубочки, и они свистели, когда голуби летали широкими кругами у нас над головами.

Окно над моим столом выходило на Барабанную башню (Гулоу) – высокий деревянный павильон, построенный в 1272 году. Сотни лет Барабанная башня, вместе с соседней Колокольней, подсказывала пекинцам, когда ложиться и когда вставать. Это были самые высокие строения в округе. В Барабанной башне находилось двадцать четыре кожаных барабана, достаточно больших для того, чтобы их бой слышали в самых далеких уголках столицы.

Императоры были одержимы желанием контролировать смену времен года и суток. Весной правитель объявлял, когда придворные могли сменить меха на шелк, а осенью указывал время, чтобы сгребать листву. Контроль над временем оказался настолько связанным с императорской властью, что в 1900 году, когда иностранные войска вошли в Пекин, солдаты забрались на Барабанную башню и вспороли барабаны штыками. Тогда китайцы переименовали ее в “Башню осознания унижения”.

Глава 3

Крещение цивилизацией

Командиры капитана Линя не знали, что делать. Они поняли, что он попытался бежать, но если бы он преуспел, динамики на том берегу, по их мнению, должны были кричать об этом. Возможно, он утонул. А вдруг он все это время был агентом коммунистов? В любом случае исчезновение одного из известнейших офицеров было позором. Армия объявила Линя сначала пропавшим без вести, затем погибшим и вручила его жене страховку, эквивалентную тридцати тысячам долларов. Чэнь с трехлетним сыном на руках была снова беременна, и Линь, чтобы защитить жену, ничего ей не рассказывал. На семейном алтаре родители Линя поставили табличку с его именем.

Линя допрашивали три месяца. Когда он убедил власти КНР в том, что он не шпион, его освободили. В стране, где большинство населения пострадало от Культурной революции, Линь воспринял наследие Мао с пылом неопита и, “чтобы научиться”, совершил паломничество в Яньань, где в годы войны находился военный штаб компартии.

Кроме того, Линь поехал в Сычуань, чтобы собственными глазами увидеть дамбу, построенную его героем Ли Бином. В этом канале видели символ того, как низко пал Китай за прошедшие со времени его постройки две тысячи лет. Линь, напротив, разглядел в нем символ надежды: “Если мы сделаем что-то [грандиозное], мы сможем изменить судьбу людей, изменить судьбу нации на тысячу лет”.

Восторг Линя омрачало то, что он бросил семью: “Я люблю жену. Люблю детей. Я люблю свою семью. Я чувствую за них ответственность. Впрочем, как образованный человек, я чувствую ответственность также за культуру и процветание Китая. Если я уверен в том, что прав, я должен быть верен себе”.

О том, чтобы связаться с женой, не могло быть и речи. Правительство Тайваня, несомненно, следило за ней. Линь написал кузену, учившемуся в Токио: “Вы теперь единственный родственник, с которым я могу связаться. Но вы должны быть осторожны. Не оставляйте националистам улики, которые можно использовать против вас. У меня есть сообщение, но вы должны передать его устно и не оставлять следов”. Линь попросил родственника купить подарки для Чэнь и детей и подписать их “Фанфан” – своим семейным прозвищем. Линь признался: “Хотя мужчина должен иметь великие устремления и ставить долг выше эмоций и привязанности к семье, я все сильнее скучаю по дому”. Он волновался о родителях, о сыне, о новорожденной дочери: “Сяо Луну сейчас три года, в этом возрасте ему особенно нужен отец, а у него только мать. Сяо Линь никогда не видела отца... Словами не передать, как я виноват перед ними”. Линь был все еще обижен на правительство Тайваня, которое давало ему задания, связанные скорее с пропагандой, чем с карьерой: “Националисты просто использовали меня, но не помогали развиваться”. Он поделился впечатлениями о первых месяцах экономического бума, инициированного Дэном:

Почти всем сейчас хватает пищи и одежды... Прогресс идет быстро. Люди энергичны и уверены в себе. Я искренне верю, что Китай ждет светлое будущее. Когда-нибудь мы сможем гордиться тем, что мы – китайцы, высоко держать голову и дышать полной грудью.

Но когда прошло ощущение новизны, жизнь перебежчика оказалась трудной. Хуан Чжичэн, тайваньский пилот, посадивший в 1981 году свой самолет на материке, вспоминал: “Сначала все говорят – *нихао* [привет], *нихао*, – а потом бросают на произвол судьбы”.

Линь хотел учиться на экономиста и подал документы в Китайский народный университет в Пекине, но ему отказали. Для Линя побег навсегда стал поводом для подозрений: как

говорили в то время, его “происхождение неясно”. Экономический факультет Пекинского университета рискнул принять Линя. Управляющий делами Дун Вэньцзюнь решил, что “на экономическом факультете разведанных все равно не соберешь”.

Линь сказал однокурсникам, что прибыл из Сингапура. Он попросил НОАК не использовать в пропагандистских целях его историю. Он видел брошюры о перебежчиках, которые прибывало к берегу Куэмоя, и Линю не хотелось попасть в них. Он отказался от имени Линь Чжэнгуи. Теперь он звался Линь Ифу, “стойкий человек в долгом пути”.

Однажды я сказал Линю: на Тайване гадают, не выдал ли он коммунистам военные секреты. Он устало рассмеялся: “Чушь! У меня с собой не было ничего, кроме того, что на мне”. Он отметил, что ко времени его побега Китай ожидал воссоединения и секреты, доступные младшему офицеру, мало что значили: “Я до сих пор думаю, что мои тайваньские друзья испытывают такое же сильное желание помочь Китаю. Я уважаю это стремление. Я считаю, что могу таким образом сделать вклад в историю Китая. Это был мой личный выбор”.

Смелые слова: личный выбор китайцами никогда особенно не ценился. Ричард Нисбетт, психолог из Мичиганского университета, изучающий культурные отличия, указывал на то, что в Древнем Китае плодородные равнины и реки отлично подходили для выращивания риса, что требовало ирригации и поощряло кооперацию. Для сравнения: древние греки, жившие между горами и морем, занимались скотоводством, торговлей и рыболовством и были в большей степени независимыми. Здесь Нисбетт усматривал корни идей личной свободы, индивидуальности и объективного знания у греков.

Для китайского искусства, политики и общественной мысли характерен взгляд на индивида как подчиненного целому. Сюнь-цзы в III в. до и. э. писал: на человека, который “по своей природе зол”, нужно воздействовать нормами ритуала и чувством долга, подобно тому, как для выпрямления кривого куска дерева нужно применить пар и силу. Одну из известнейших китайских картин, свиток XI века “Путники среди гор и потоков” работы Фань Куаня, иногда называют китайской Моной Лизой. Однако Фань Куань, в отличие от Леонардо да Винчи, изобразил лишь крошечную фигурку в окружении туманных гор. Согласно законам императорского Китая, суд определял не только мотив, но и ущерб общественному порядку, и убийца нес более суровое наказание, если он поднял руку на человека высокопоставленного. Наказанию подвергался не только сам преступник, но и его родственники, соседи и лидеры его общины.

Лян Цичао, один из главных китайских реформаторов начала XX века, указывал на значение индивида в развитии государства, однако отказался от этого мнения после посещения Чайнатауна в Сан-Франциско в 1903 году: он счел, что конкуренция между кланами и семьями не позволяла китайцам процветать. “Если мы сейчас перейдем демократическую систему управления, – писал он, – это будет равносильно всеобщему самоубийству”.

Лян мечтал о китайском Кромвеле, который “будет править сильной рукой и огнем и молотом будет ковать и закалять народ двадцать, тридцать, даже пятьдесят лет. А после этого мы дадим народу книги Руссо и расскажем о деяниях Вашингтона”. Сунь Ятсен (революционер, ставший президентом после краха империи в 1911 году) говорил, что Китай был слаб, потому что народ представлял собой “кучу песка”: “Мы ни в коем случае не должны давать индивиду больше свободы; давайте вместо этого обеспечим свободу нации”. Он призывал людей воспринимать государство как большой автомобиль, а лидеров – как шоферов и механиков, которым нужна свобода действий.

В Китае всегда находились поэты, писатели и революционеры, которых Жереми Бармэ и Линда Джейвин называли “незабинтованными ногами” истории, но Мао был склонен подчинить личность организации. Партия должна преодолеть “местнические”, “сектантские”

тенденции. Она организовала людей в бригады и колхозы. Без письма из своего *даньвэя* (“единица”) вы не могли жениться или развестись, купить билет на самолет или поселиться в гостинице и даже посетить другой *даньвэй*. Большую часть времени человек жил, работал, совершал покупки и обучался в пределах *даньвэя*. Для искоренения “субъективизма и индивидуализма” Мао прибег к пропаганде и образованию. Он назвал это “реформой мышления”. Люди предпочитали выражение *синьао* – “очищение ума”. (Сотрудник ЦРУ, узнавший об этом, придумал в 1950 году термин “промыывание мозгов”).

Партия стала превозносить жертвенность. Газеты рассказали о военном автомобилисте по имени Лэй Фэн, около полутора метров ростом, который называл себя винтиком революционной машины. Он стал героем передвижной фотовыставки (“Погрузка навоза в помощь народной коммуне Ляонин”, “Лэй Фэн штопает носки” и так далее). В 1963 году, после того как армия объявила, что молодой солдат погиб в результате несчастного случая (его придавил телефонный столб), Мао посоветовал всем “учиться у товарища Лэй Фэна”. Десятилетиями музеи демонстрировали копии его сандалий, зубной щетки и прочего, будто мощи святого.

Принуждение к единомыслию было очень сильно. Врач, во время Культурной революции сосланный в западную пустыню, где его жена покончила с собой, позднее объяснял:

Чтобы выжить в Китае, ты должен все скрывать от других. Иначе это обернут против тебя... Поэтому я пришел к мысли, что глубину души лучше оставлять нечеткой; скрывать личное за маской общественного, подобной туману и облакам на китайских пейзажах; стать таким, как отварной рис, безвкусный, впитывающий вкус приправ и не имеющий своего собственного.

В 80-х годах лидеры Китая предупреждали: нация должна переходить реку, “нащупывая каждый камень”. В действительности многие люди, захваченные потоком преобразований, поняли, что у них нет иного выбора, кроме как нырнуть в него и упорно плыть, имея смутное представление о том, что на другом берегу

Китай продолжал испытывать недоверие к индивидуальности; даже после начала реформ редакторы авторитетного словаря “Море слов” (*Цыхай*, 1980) определяли индивидуализм как “суть буржуазного мировоззрения; поведение, нацеленное на приобретение благ для себя за счет других”. И ничто не было для компартии столь же отвратительно, как тэтчеровский язык рыночного фундаментализма. Впрочем, Китай взял на вооружение некоторые из основных его элементов: сокращение госслужб, неприязнь к профсоюзам, подчеркнутую национальную и военную гордость.

Китай пришел в движение. Люди начали переезжать с места на место, включившись в крупнейшую в истории миграцию. Невероятный экономический рост обусловило сочетание многочисленной дешевой рабочей силы и инвестиций в промышленность и инфраструктуру. Вместе это высвободило накопившуюся за годы лишений экономическую энергию китайцев. Партийный лидер Чжао Цзы-ян собрал вокруг себя экономистов, стремившихся повторить прорыв Южной Кореи и Японии. Им приходилось соблюдать осторожность. У Цзинлянь, сотрудник государственного “мозгового треста”, начал как правоверный социалист, убеждавший свою школу прекратить изучение английского языка и западной экономики. Во время Культурной революции его жену, директора детсада, сочли “идушей по капиталистическому пути”, потому что ее отец был генералом при националистах; хунвэйбины обрили ей половину головы. Самого У объявили “контрреволюционером” и отправили на “трудовое перевоспитание”. “Мое мировоззрение полностью изменилось”, – рассказал он мне. К 80-м годам У стал ведущим экспертом по свободному рынку (в терминологии того времени – по “товарной экономике”).

В 1980 году в Китае появились особые экономические зоны (ОЭЗ): с помощью налоговых льгот власти пытались привлечь западные инвестиции, технологии и покупателей. В ОЭЗ требовались работники. С 50-х годов партия подразделяла семьи на два типа: сельские и городские. Это разделение определяло, где человек рождался, учился, работал и – умирал. За редкими исключениями только Министерство общественной безопасности могло переменить прописку (*хукоу*). Но новые машины и удобрения снизили потребность в сельскохозяйственных рабочих, и в 1985 году правительство разрешило крестьянам временно жить и работать в городах. За следующие восемь лет количество переселенцев из сельской местности достигло ста миллионов. В 1992 году Дэн Сяопин объявил процветание первоочередной задачей. “Развитие, – сказал он после посещения фабрики по производству холодильников, за семь лет увеличившей выпуск продукции в шестнадцать раз, – вот единственная истина”. В 1993–2005 годах госпредприятия сократили более 73 миллионов рабочих, отправив людей на поиски заработка. Китайские лидеры намеренно снижали цену национальной валюты, что сделало экспорт дешевым. В 1999 году экспорт Китая составлял меньше трети американского. Через десять лет страна стала крупнейшим в мире экспортером.

Повседневная жизнь становилась свободнее. Во времена Мао считалось аморальным иметь вторую работу: досуг принадлежал государству. К 90-м годам сразу в нескольких местах работало уже столько людей, что это привело к невиданному подъему бизнеса по изготовлению визитных карточек. Государственные СМИ, некогда призывавшие китайцев быть “винтиками”, теперь признавали новое пространство конкуренции. “Полагайся на себя. Проложи собственную дорогу и борись”, – советовала газета “Хэбэй цзинцзи жибао”. Люди зарабатывали на всем, на чем могли. В бедных провинциях коммивояжеры-скупщики крови обещали помочь уплатить налоги и взносы за образование. Цзин Цзюнь, антрополог, обучавшийся в Гарварде, обнаружил, что люди продавали кровь так часто, что нередко превышали допустимую норму: “Сборщики подвешивали людей вверх ногами, чтобы шла кровь”. (Бизнес “на крови” привел к катастрофе. К середине 90-х годов сборщики крови вызвали сильнейшую в Китае вспышку СПИДа. Около 55 тысяч человек оказались заражены.)

На языке индивидуальности заговорили кино, мода и музыка. Режиссер Цзя Чжанкэ рассказал мне, что в 80-х годах, когда он рос в шахтерском крае Шаньси, он мог проехать на автобусе четыре часа, чтобы купить кассету слезливых поп-баллад тайваньской звезды Дэн Лицзюнь. Она была настолько популярна, что подчиненные капитана Линя на Куэмо проигрывали ее песни через динамики, чтобы привлечь перебежчиков. Солдаты на материке шутили, что “служат старому Дэну весь день, а юной Дэн – всю ночь”.

Прежде мы пели: “Мы – наследники коммунизма” и “Мы – рабочие, с нами сила”. Там всегда было “мы”. А в песне Дэн “Луна – мое сердце” пелось про “меня”. *Мое сердце*. Конечно, нам нравилось!

Бизнесмены усиливали этот посыл. Корпорация “Чайна мобайл” продавала пакеты услуг, предназначенные для людей до 25 лет, со слоганом: “Моя территория, мои решения”. Даже в сельских областях, где перемены шли медленней, люди заговорили о себе иначе. Норвежский синолог Метте Хальсков Хансен, четыре года наблюдавшая за происходящим в провинциальной школе, обнаружила, что учителя готовили своих подопечных к миру, в котором, чтобы выжить, необходимы “самостоятельность, самореклама и собственный путь к успеху”. В 2008 году Хансен присутствовала на собрании, где ученики повторяли: “С тех пор как Бог создал все вещи, на земле не было такого, как я. Мои глаза и уши, мой ум и душа, все – выдающееся. Никто не говорит и не ведет себя так, как я, никто не делал так раньше и не будет после. Я – величайшее чудо природы!” Желание уехать (“уйти в мир”) захлестнуло крестьян. Причем не всегда эта мысль приходила в голову и без того преуспевающих и

уверенных в себе мужчин и женщин. Нередко это желание посещало людей неустроенных – беспокойных, жаждущих, несчастных.

Когда Гун Хайнань решила уехать, ее мать и отец растерялись. Гун была единственной дочерью, а они ничего не знали о большом городе. Но она шла напролом, “и им пришлось согласиться”.

Гун родилась у подножья горы в деревне Вадуаньган в Хунани, родной провинции Мао. Ее родители во времена Культурной революции стали парой, потому что оказались политически близки: их семьи считались “зажиточными”. Их свела деревенская сваха. Семья Гун выращивала арахис, хлопок, куриц и свиней. Она была старшей из двух детей, маленькой и болезненной. У нее были худые плечи и тонкие губы, а лицо казалось вечно взволнованным. Эти черты в деревне не котировались: юноши предпочитали девушек с пухлыми щеками и губами в форме розового бутона. “Если я кому-нибудь нравилась, то так об этом и не узнала”, – сказала мне Гун много позднее, в Пекине.

Еще в детстве Гун отличала кипучая энергия. Когда соседи в виде эксперимента стали открывать крошечные предприятия, Гун упрашивала родителей сделать то же самое. Те смеялись: “У нас трое соседей, а за спиной – гора. Кто будет здесь покупать?” Тогда Гун сделала младшему брату Хайбиню деловое предложение: они будут покупать фруктовый лед и торговать им вразнос. Они таскали по разбитым деревенским дорогам тринадцатикилограммовый холодильный ящик из пенопласта, и брат Гун к вечеру первого же дня покинул бизнес. “Конечно, я могла избить его до полусмерти, и он бы остался”, – сказала Гун. Вместо этого она нарисовала схему, указав дома, в которых баловали детей, и выбрала оптимальный маршрут. Вскоре она продавала два ящика мороженого в день. “Что бы ты ни делал, – заключила Гун, – мыслить нужно стратегически”.

Было что-то новое в этом поколении – в юношах и девушках, родившихся в 70-х годах. Это слышалось в их речи, в той легкости, с которой они произносили “я”, когда их родители предпочитали множественное число: “*наша* бригада”, “*наша* семья”. Старики прозвали их “поколением “я” (*у и дай*).

Когда Гун исполнилось шестнадцать лет, результаты экзаменов позволили ей поступить в престижную местную школу, что стало переломным моментом для крестьянской семьи. Незадолго до начала учебного года она торопилась в город на тракторе-такси, чтобы пополнить запас мороженого, и трактор съехал в канаву. Гун была на переднем сиденье. Правая нога оказалась сломана, нос был почти оторван. Она поправилась, но после выхода из больницы с гипсом на бедре узнала, что в сельской школе нет условий для ученика, не способного ходить. Руководство школы попросило ее уйти.

Мать Гун, Цзян Сяюань, не желала ничего об этом слышать. Она поселилась в общежитии и носила дочь на спине – вверх и вниз по лестницам в классы и в туалет (Гун приучила себя посещать его не чаще двух раз в день). Пока Гун сидела на уроке, мать торговала фруктами на улице. Я сомневался в правдивости этой истории, пока не встретился с Цзян Сяюань. “Здание оказалось очень высоким, а ее класс был на четвертом этаже”, – нахмурилась она. Она никогда всерьез не думала об альтернативе. “Школа была единственным выходом, – объяснила Цзян. – Мы не хотели, чтобы Гун работала в поле, как мы”.

Счета от врачей загнали родителей Гун в долги. В 1994 году началось великое переселение рабочих. В 1978 году почти 80 % населения КНР работало в деревнях, к 1994 году этот показатель упал ниже 50 %. Гун ушла из школы и отправилась на побережье, на фабрику.

Миграционные потоки росли, и правительство пыталось их контролировать. Например, крестьян призывали искать работу вблизи дома. “Оставляйте землю, но не деревню! Идите на фабрики, но не в города!” Новых мигрантов официально называли “текучим наро-

донаселением” (этот термин включает те же иероглифы, которые присутствуют в словах, обозначающих хулиганов и уличных собак). Вину в росте преступности возлагали на людей, прозванных “тройным отсутствием” – на мигрантов без собственного жилья, работы и надежного дохода. Города пытались закрыться от приезжих. В Пекине власти преследовали некоторые категории людей, включая “попрошак, уличных музыкантов, предсказателей и других людей, имеющих занятия, связанные с феодальными суевериями”. Если их ловили, то высылали домой. Пекин предлагал “грин-карты”, дающие доступ к школам и жилью, но стандарты были настолько высоки, что им отвечал лишь 1 % мигрантов. Шанхай выпустил “Гид по Шанхаю: для братьев и сестер, приезжающих работать”. Первая глава называлась: “Не приезжайте в Шанхай, все не обдумав”.

И все же люди ехали. К 2007 году 135 миллионов сельских мигрантов жило в городах, а “текущее население” власти теперь именовали “внешним”. Госсовет обязал городские администрации улучшить защиту от травм на производстве и обеспечить мигрантам страховку, чтобы дать им, как выражалась партийная пресса, “крещение цивилизацией”.

Гун нашла работу в городе Чжухай – на конвейере по сборке телевизоров “Панасоник”. Она две тысячи раз в день соединяла два провода и посылала деньги семье. Если она заканчивала раньше, бригадир поднимал норму выработки. На заводе выходила многотиражка, и через несколько месяцев работы Гун написала очень удачную статью “Я люблю ‘Панасоник’, я люблю свой дом”. Ее сделали редактором. Это положение устраивало Гун, пока ее не навестила бывшая одноклассница. Она провела с Гун выходные, рассказывая о старых друзьях, добравшихся до колледжа и переехавших в интересные места. На фабрике она казалась себе успешной: ведь Гун работала головой, а не руками. Однако услышав о том, что она упустила, девушка очень расстроилась.

Гун прокляла свое решение бросить школу: “Это было глупо и наивно”. Китайская экономика развивалась, а сама она топталась у подножия пирамиды. Фабрикам, изготавливающим телевизоры и одежду, нужны были безропотные трудяги, которые не задумывались о безопасности, обучении или карьерном росте. Мигранты вроде Гун зарабатывали вдвое меньше коренных жителей провинции Гуандун, и этот разрыв ширился. Если бы Гун осталась там, ее ждали бы второсортная медицинская помощь и образование. Она платила бы в пять-шесть раз больше за учебу ребенка, чем человек с местной пропиской. Более трех четвертей женщин, умерших родами в провинции Гуандун, были мигрантами без доступа к родовому уходу.

В бизнесе по производству электроники начальники конвейеров предпочитали женщин, потому что те были внимательней. Единственными мужчинами на фабрике были охранники, грузчики и повара. “Если бы мне захотелось создать семью, пришлось бы выбирать из них”, – сказала Гун. Она понимала опасность возвращения в деревню. Шел 1995 год, и разрыв в доходах городского и сельского населения в Китае был больше, чем где бы то ни было, кроме Зимбабве и ЮАР. Гун должна была оказаться в городе. Для этого она сначала вернулась в школу.

“В деревне все были против, – рассказала Гун. – Они говорили: “Тебе двадцать один год. Выходи замуж!”” В деревенской иерархии ниже молодой женщины стояла только ожидающая слишком много молодая женщина. Но родители поддержали Гун, и школа позволила ей вернуться в одиннадцатый класс. Она получила высшую оценку и поступила в Пекинский университет. Мао, приехавший в столицу в возрасте двадцати четырех лет, однажды сказал: “Пекин – это тигель, попав в который, невозможно не измениться”.

Перед поступлением она сменила имя на Хайянь – в честь птицы из “Песни о Буревестнике” Максима Горького. Это стихотворение было одним из любимых у Ленина. Гун революция не волновала, однако ей нравился образ птицы, которая “реет смело и свободно над седым от пены морем”.

В Пекинском университете Гун изучала китайскую литературу, а после отправилась в Шанхай, в Университет Фу-дань, за степенью магистра по журналистике. На второй год она получила профессиональное признание. Но ей не хватало любви.

Веками деревенские сваты и родители подбирали пары с одинаковым социальным и экономическим положением – “воротами одной высоты”. Участие в этой процедуре жениха и невесты было минимальным.

Конфуций много рассуждал о справедливости и долге, однако чувства, *цин*, в “Лунь юй” упоминаются лишь однажды. Любовные истории не пользовались в Китае популярностью до XX века. Если европейские персонажи иногда обретали счастье, китайские любовники обычно покорялись судьбе: родительскому запрету, болезни, трагическому недоразумению. Литературные произведения подразделялись на категории, чтобы читатель сразу знал, чего ожидать: любви трагической, горькой, несчастной, обманутой или чистой. Шестой жанр – счастливая любовь – был не так популярен. (Восприятие любви как проблемы сохраняется. В 90-х годах Фред Ротбаум и Цань Юкпхиу, изучив тексты восьмидесяти популярных песен, подсчитали, что страдания и “плохие предчувствия” упоминаются гораздо чаще.)

В Китае любовные отношения имели политический аспект. В 1919 году студенты устраивали демонстрацию в поддержку Госпожи Демократии и Госпожи Науки; также они требовали “свободы любви” и запрета браков по сговору. С тех пор любовь стали связывать с автономией личности. Мао запретил институт наложниц, браки по сговору, предоставил женщинам право на развод, однако система почти не оставила места для романтики. Свидания, не приводящие к браку, считались “хулиганством”, а секс осуждался при Мао настолько, что врачам встречались пары, ссорящиеся из-за незнания половой механики. Когда журнал “Популярные фильмы” напечатал картинку Золушки, целующей принца, читатели потребовали убрать ее. “Массы рабочих, крестьян и солдат обвиняют вас в бесстыдстве”, – сообщил один из них.

Хотя в 50-х годах браки по сговору запретили, руководители фабрик и партийцы не брезговали сводничеством. Молодой интеллеktуал Янь Юнсян, сосланный в 1970 году в деревню Сяцзя на северо-востоке Китая, нашел там бездну несчастной любви. Женщины почти ничего не знали о будущих мужьях, а невест, покидающих отчий дом, оплакивали. Лишь в 80-х годах пожилые стали терять контроль над браками. Янь стал антропологом и продолжал посещать деревню Сяцзя. Однажды он побывал на свадьбе, где невеста выходила замуж по любви. Она призналась Яню, что слишком счастлива, чтобы плакать. Она втерла перец в носовой платок: ровесники ее родителей ждали слез.

При социализме любой в Сяцзя желал быть *лаоши*, простаком, и для холостяка хуже не было, чем показаться *фэнлю*, “ветротекучим”. А потом *лаоши* вдруг стали не в моде, и все захотели быть *фэнлю*, как строптивый герой ди Каприо в “Титанике”.

В большинстве стран мира институт брака клонится к упадку. Например, доля женатых взрослых американцев снизилась до 51 % – это низший когда-либо зарегистрированный показатель. В китайской культуре роль брака и деторождения столь велика, что даже учитывая рост числа разводов, 98 % женщин выходили замуж (один из самых высоких в мире показателей). (В Китае нет института гражданского брака, нет законов против дискриминации. И гомосексуалам там приходится очень нелегко.)

Внезапная свобода вызвала трудности. В Китае мало баров и церквей, нет студенческих матчей по софтбоулу. Людям пришлось импровизировать. В промышленных городах открылись “клубы дружбы” для работников конвейера. Пекинское транспортное радио (103,9) выделило полчаса по воскресеньям, чтобы таксисты могли рассказать о себе, а военный телеканал *CCTV*-/ организовал для бойцов шоу свиданий. Но это лишь укрепляло

барьеры. Очень многих вопросы любви, выбора и денег продолжают буквально сводить с ума.

Результатом воплощения в жизнь доктрины “одна семья – один ребенок” стало непредвиденное давление на институт брака. Беспрецедентная официальная кампания в поддержку безопасного секса привела не только к небольшой сексуальной революции, но и к ожесточенной конкуренции. В 80-х годах, когда в Китае появилось УЗИ, от девочек избавлялись, чтобы родить мальчика. В результате к 2020 году в Китае двадцать четыре миллиона мужчин достигнут брачного возраста, однако пару они себе не найдут – и останутся “сухими ветвями” фамильного древа. Китайская пресса запугивала женщин: если они в тридцать лет не выйдут замуж, то превратятся в “залежалый товар”.

“На китайском брачном рынке, – объяснила мне Гун, – конкурируют мужчины, женщины и женщины с высшим образованием”. Получив магистерскую степень, она поняла, что мужчины боятся женщин образованнее их самих. И в Шанхае также: “Я никого не знала там. У моих родителей начальное образование. Я не смогла бы заинтересоваться людьми их круга”.

Мужчины редко брали жен с другой *хукоу*. Это раздражало Гун: “Закон разрешает ‘любовь и добровольный брак’, однако у нас нет свободы выбора”. В 2003 году в Китае насчитывалось 68 миллионов интернет-пользователей (5 % населения). Их число ежегодно росло на 30 %. Той осенью портал *Sohu.com* сообщил, что самое популярное из поисковых запросов имя теперь не “Мао Цзэдун”, а “Му Цзы Мэй” – это ник секс-блогера. Когда “Му Цзы Мэй” вывесила аудиозапись одной из своих любовных встреч, любопытствующие обрушили сервер. (Она пояснила: “Я самовыражаюсь через секс”.)

Гун Хайянь заплатила пятьсот юаней (около шестидесяти долларов) сайту знакомств, выбрала двенадцать мужчин и послала им сообщение. Когда она не получила ответов и пожаловалась компании, ей ответили: “Посмотрите на себя! Вы уродливы, а пытаетесь познакомиться с такими мужчинами. Ничего удивительного, что вам не отвечают!” Гун занялась одним из этих холостяков и выяснила, что он даже не регистрировался на сайте: фотография, данные и контакты были взяты с других веб-страниц. Китай научился подделывать рубашки-поло, а теперь пытался фальсифицировать свидания! “Я была в ярости, – вспоминает Гун. – Я не собиралась становиться предпринимателем, но захотела создать сайт для людей в том же положении, что и я сама”.

Она набросала эскиз главной страницы, подобрала “движок”. Свое дело Гун назвала так: *Love21.cn*. Чтобы продавать рекламу, она наняла своего брата Хайбиня: после того как он бросил школу, он посещал компьютерные курсы. Гун зарегистрировала на сайте своих друзей, и за ними потянулись клиенты. Разработчик программного обеспечения согласился инвестировать пятнадцать тысяч долларов. (Позднее он познакомился на этом сайте с будущей женой.) Гун вкладывала прибыль в развитие и обнаружила, что запросов больше, чем она могла себе представить. Из отдаленных провинций, где еще не было сканеров, люди начали присылать фото по почте. Клиенты регистрировались со скоростью две тысячи человек в день.

Гун не была похожа на других интернет-предпринимателей, с которыми я познакомился в Китае. Во-первых, в Китае все высшие должности в сфере информационных технологий занимали мужчины. Во-вторых, в отличие от тех, кто оценил потенциал китайского сектора интернета, Гун не говорила свободно по-английски. У нее даже не было ученой степени в области информатики. Она все еще походила на крестьянку. Гун говорила очень громко – но не перед большой аудиторией: тогда ее голос дрожал. Рост Гун составлял 1,53 метра, у нее были узкие плечи, и, когда она рассказывала о бизнесе, казалось, что она говорит о себе: “Мы не такие, как вы, иностранцы, легко заводящие друзей в баре или едущие

путешествовать и заговаривающие с незнакомцами. Мой сайт не для встреч ради развлечения. У наших ясная цель – брак”.

В свободное время она писала. Интернет становился форумом для обмена идеями. Гун (“Маленькая госпожа Дракон”) вела колонку и заработала репутацию чуткого советчика. Ей писали отчаявшиеся холостяки, озабоченные родители и нервничающие невесты. Многие из этих людей стали ее клиентами.

Часто ее советы шли вразрез с древними ценностями. Если свекровь видит в вас “сосуд для деторождения”, а муж отказывается помогать, то Гун советует молодой жене забыть о таком муже, “набраться смелости и бросить эту семью”. В случае с недавно разбогатевшей парой, в которой муж начал ходить налево, Гун одобрила поведение жены, не ставшей “мямлящей жалкой тварью”, и посоветовала ей заставить подписать контракт: новая измена стоила бы ему состояния. Гун видела в стремлении найти любовь признак самостоятельности. С небес, писала она, “вам не бросят пирог с мясом”.

Глава 4 Голодный разум

Вскоре после того как Гун Хайянь занялась бизнесом, ей попало объявление: “Ищу жену. Требования: рост – 1,62 м, внешность выше среднего, высшее образование”. Объявление оставил Го Цзяньчжэн – постдок, изучавший дрозофил. Ему нравилась атлетика, и он приложил к анкете фотографию, где демонстрировал трицепсы на фоне лабораторного стола. “Полный набор”, – потом поделилась со мной Гун. Но поначалу, прочитав требования, она поняла, что не соответствует ни одному из них. И все же женщина решила написать Го: “Ваше объявление составлено не очень складно. Даже если найдется женщина, соответствующая этим требованиям, она подумает, что вы слишком разборчивы”.

Го почувствовал себя неловко. “Я прежде не писал ничего подобного и не понимаю, что делать”, – ответил он. Гун вызвалась помочь. “После редактирования, – рассказала она мне, – я смогла найти четырех девушек, отвечающих его критериям, включая меня саму”.

Го оказалось тридцать три года. Он был застенчив. Когда они встретились, в его телефоне значилось всего восемь номеров. Он не был романтиком (его первым подарком Гун стали новые очки вместо сломанных) и не был богат: Го скопил менее четырех тысяч долларов. Но Гун попросила его пройти тест *IQ* и очень удивилась, когда Го превзошел ее результат на пять баллов. Кроме того, ее тронула забота Го об одиноком отце. Во время второго свидания Го сделал ей предложение. Это случилось в метро.

Она приехала в Министерство гражданской администрации на багажнике его велосипеда. Молодожены заплатили десять юаней за свидетельство о браке. Церемония заняла десять минут. Вместо обручального кольца Го купил жене лэптоп. За сто долларов в месяц они сняли угол. Ванну пришлось делить с пожилым соседом.

К 2006 году на сайте знакомств Гун числился миллион зарегистрированных пользователей. На следующий год на сайт обратили внимание венчурные капиталисты. Гун назначила плату (около тридцати центов) за объявления. На седьмой год у сайта было 56 миллионов пользователей и он занимал первое место в Китае по времени, которое люди проводят в сети, и по числу посещений. Это был самый крупный китайский сайт знакомств. Гун переименовала название *love21.cn* на более солидное “Цзяюань” (“Прекрасная судьба”) и придумала слоган: “Сайт серьезных знакомств”.

Утром Гун проскользнула в конференц-зал для встречи с новыми сотрудниками. Это было сразу перед празднованием китайского Нового года. Одинокие мужчины и женщины по всей стране должны были вернуться домой, чтобы навестить родных и подвергнуться неизбежному допросу о брачных перспективах. Выдерживали его не все. На “Цзяюань” после Нового года обрушивался вал, сравнимый с зимним ажиотажем в фитнес-клубах Америки.

Публичные выступления, даже перед небольшой группой, заставляли Гун нервничать, и она запаслась конспектом. Прежде чем она начала говорить, сотрудники выслушали вступление исполнительного директора Фан Цинъюаня: “Не надейтесь встретить здесь фаворитизм или кумовство. Работайте усердно, и ваши достижения скажут сами за себя. Не тратьте время на целование задниц”.

Гун села во главе стола и сообщила своим новым сотрудникам, что они попали в “бизнес счастья”. Она не улыбалась. Говоря о своем “бизнесе счастья”, она почти никогда не улыбалась. Речь шла о соотношении цены и качества, об информационной асимметрии. Гун была в своем “офисном костюме”: очки, “конский хвост”, никакого макияжа, розовая олимпийка “Адидас” с обтрепанной левой манжетой. Сидевшие перед ней молодые люди гото-

вились присоединиться к штату из почти пятисот сотрудников. Клиенты, говорила им Гун, почти неотличимы от вас самих: мигранты, одинокие, отгороженные от любви “тремя высокими горами”: отсутствием денег, свободного времени и связей. Цель проста: дать людям возможность выбора.

Китайцы лишь привыкали к возможности выбирать. Местная пресса считала Гун “свахой № 1”, хотя ее бизнес отвергал саму эту идею. Гун, несмотря на название своей компании, “Прекрасная судьба”, была убеждена, что судьба не играет никакой роли: “Китайцы еще верят в судьбу. Они говорят: ‘Я приноворюсь ко всему’. Им больше не нужно этого делать! Они могут следовать своему желанию. Мы даем людям свободу любить”.

Люди наверстывали упущенное после долгих лет лишения права повлиять на одно из важнейших решений в своей жизни. Я читал объявление Линь Ю, выпускницы университета, в котором она перечисляла требования к будущему мужу:

Прежде не женат. Степень магистра или выше. Не из Ухани. Не сельский житель. Не зацикленный на детях. Некурящий. Непьющий. Не игрок. Рост – выше 172 см. Готовый встречаться минимум год до свадьбы. Спортивный. С родителями, которые до сих пор вместе. Годовой доход больше 50 тысяч юаней. Возраст 26–32 года. Гарантирующий четыре ужина дома еженедельно. Хотя бы две бывшие девушки, но не более четырех. Не Дева и не Козерог.

Между сетевыми знакомствами в Америке и в Китае есть существенное отличие. В Америке выбор потенциальных партнеров увеличивался, в Китае же (с населением 1,3 миллиарда человек) он уменьшался. “Я однажды видел двадцатитрехлетнюю женщину, которая искала партнера в Пекине, где было 400 тысяч зарегистрированных пользователей-мужчин, – рассказал Лу Тао, главный инженер компании Гун. – Она ограничивала поиск группой крови, ростом, зодиакальным знаком и чем угодно еще, пока не сократила выбор до 83 кандидатов”. (А один банкир установил фильтр по росту и получил список долговязых моделей.)

Когда я зарегистрировался на сайте “Цзяюань” (чтобы лучше понять, как устроен бизнес Гун), мне пришлось ответить на 35 вопросов, предполагавших несколько вариантов ответа. Компартия десятилетиями насаждала конформизм, однако эта анкета не оставляла сомнений, что в наши дни от человека требуется умение описать себя как можно точнее. После роста, веса, дохода и других важных параметров меня попросили описать собственные волосы: цвет (черные, светлые, русые, каштановые, рыжие, седые, окрашенные) и вид (длинные прямые, длинные вьющиеся, средней длины, короткие, очень короткие, лысина и т. д.). Среди девяти вариантов формы лица упоминались овальное, как “утиное яйцо”, и вытянутое, как “семечко подсолнечника”. (Я решил было, что лицо типа “нация” – это для патриотов, но понял, что имеются в виду впалые щеки, напоминающие иероглиф “нация”:

.) Меня попросили указать мою “наиболее привлекательную черту” и предоставили семнадцать вариантов, в том числе смех, брови и ноги. В разделе “Вероисповедание” мне предложили шестнадцать вариантов; для разнообразия я отметил “шаманизм”. Отвечая на вопрос о “навыках”, я просмотрел двадцать четыре варианта ответов, включающие домашний ремонт и деловые переговоры. Затем у меня поинтересовались взглядами на место отдыха, книги, брачный контракт, курение, домашних животных, личное пространство, домашние обязанности, а также потенциальной пенсией. Потом попросили выбрать одно из описаний:

1. Почтительный сын.
2. Классный парень.
3. Ответственный.
4. Скуповатый семьянин.
5. Честный и прямолинейный.
6. Внимательный человек.
7. Карьерист.
8. Мудрый и дальновидный.
9. Невзрачный.
10. С чувством юмора.
- и. Любитель путешествий.
12. Замкнутый.
11. Тактичный.
14. Энергичный.
15. Верный.
16. Организатор.
17. Красавчик.
18. Надежный, уверенный, спокойный.

Потом меня попросили как можно точнее описать личные предпочтения. Я вспомнил “синих муравьев” и начал читать:

1. Я скромн и вежлив.
2. Я – ковбой с Дикого Запада.
3. Я легок в общении и жизнерадостен.
4. Я красив и учтив.
5. Я зрелый и обаятельный.
6. Я высокий и мускулистый.
7. Я прост и непритязателен.
8. Я сдержан и холоден.

Гун Хайянь очень вовремя занялась этим бизнесом: китайцы все больше увлекались выбором. В 80-х годах, когда доходы стали расти, покупатели скупали то же, что их соседи. Это явление назвали “приливным потреблением”.

В деревне Сяцзя неофициальный центр переместился из штаба компартии в первый (и единственный) магазин. Молодежь с уважением заговорила о *гэсин* – “индивидуальности”. Молодые мужчины стали покупать гель для волос и мокасины. Они приезжали в магазин на машине, а не шли пешком, хотя до него было всего триста метров. Родовые гнезда перестраивали, чтобы супружеским парам больше не приходилось делить постель со своими родителями и детьми, и люди разных поколений теперь спали в разных комнатах. Секретарь партийной ячейки перестал называть себя “винтиком революционной машины”: “Почему я пошел на эту работу? Все просто – деньги”.

Когда государство отказалось от практики распределения, ему пришлось готовить выпускников институтов к непривычному опыту выбора места работы. Новый рынок труда (и брачный рынок) породил потребность в новой одежде, фитнес-клубах, косметике, бритвах и креме для бритья. В 2005 году на китайском телевидении появилась программа в духе *American Idol*³ – “Конкурс “Супергерл монгольского сливочного йогурта””. Успех этой пере-

---

³ Российский аналог – “Народный артист”. – Прим. пер.

дачи породил новый жанр – “шоу выбора”, где участники могли выбирать или быть выбранными другими участниками или зрителями.

Покупки (по крайней мере прогулки по магазинам) стали главным хобби. Средний китаец посвящал шопингу почти десять часов в неделю (средний американец – меньше четырех) – отчасти из-за популярности этого нового развлечения, отчасти из-за неразвитых транспортных сетей и цен. Исследования показали, что средний житель Шанхая видит в три раза больше рекламы в день, чем житель Лондона. На китайский рынок пришло множество брендов, которые прилагали отчаянные усилия, чтобы их заметили. Потребители не возражали. Рекламы стало столько, что модные журналы пухли на глазах. Редакторы китайского “Космополитен” решили выпускать номер в двух частях: журнал получался слишком толстым.

Сотовый захлебывался от спама. “Внимание начинающим наездникам!” – так зазывала меня к себе “самая большая крытая арена” в Пекине. Однажды утром мне сообщили о существовании “огромного столетнего здания, возведенного с английским мастерством” и “барочной виллы с парком площадью 54000 м²”. Большая часть сообщений касалась фальшивых бумаг, помогающих скрыть от налоговой службы свои доходы. Мне нравилось представлять китайца, просыпающегося в огромном английском здании и седлающего лошадь, чтобы поскакать по парку за поддельными документами.

Западные компании наперебой предлагали товары, которые, как они надеялись, придутся китайцам по вкусу. “Ригли” выпустила жвачку со вкусом мяты и огурца. “Хаген – Дас” начала продавать “лунное печенье” (*юэбин*). Однако не все идеи были успешны: “Крафт” потерпел неудачу, когда попытался изготовить крекеры со вкусом рыбы, сваренной в масле из сычуаньского перца, фирма “Маттел”, открывшая шестиэтажный магазин Барби в центре Шанхая (со спа и коктейль-баром), столкнулась с тем, что китайские родители не одобряют взгляд Барби на учебу, а компания “Хоум депо” обнаружила, что последнее, о чем мечтают сыновья и дочери рабочих и крестьян, – это товары “Сделай сам”.

Некоторые предпочтения китайских потребителей иностранцам понять нелегко. Когда в магазинах появилась марка модных оправ для очков “Хелен Келлер”, журналисты интересовались, почему для рекламы очков выбрали самого известного в мире слепого человека. Компания ответила, что в китайских школах историю Келлер подают в первую очередь как образец стойкости и, скорее всего, продажи будут отличными. Очки “Хелен Келлер” рекламировали так: “Ты видишь мир. Мир видит тебя”.

Деньги и любовь в Китае всегда были связаны откровеннее, чем на Западе, однако когда почти ни у кого не было ни гроша, считать было проще. Согласно традиции, родители невесты заботились о ее приданом, а родители жениха выплачивали родителям невесты сумму, несколько превышавшую стоимость приданого. Во времена Мао обычно менялись зерном. В 80-х годах молодожены стали рассчитывать на “три круга и звук”: велосипед, наручные часы, швейную машинку и радио. Или на “тридцать ножек”: кровать, стол и набор стульев. В большинстве провинций Китая обычай обмена сохранился (в наличных), но ставки выросли.

В 1997 году по брачным традициям был нанесен удар: Госсовет вернул людям право покупать и продавать недвижимость. При социализме работодатели селили рабочих в неразличимых бетонных коробках общежитий. Когда правительство восстановило рынок, делопроизводство не знало даже официального перевода слова “ипотека”. Вскоре началось мощнейшее в мире накопление богатства, сколоченного на недвижимости.

По обычаю, китайские молодожены селились в доме родителей жениха, однако к XXI веку менее половины пар оставалось там надолго. Экономисты Вэй Шанцзинь и Чжан Сяобо установили, что родители, имеющие сыновей, стали строить для них дома побольше и подороже, чтобы привлечь лучших невест (так называемый “синдром свекрови”). Газеты подстегивали эти устремления статьями вроде: “Дом – объект гордости мужчины”. В некоторых

деревнях началась настоящая гонка: семьи пытались перещеголять друг друга, надстраивая этажи, остававшиеся пустыми до тех пор, пока не набиралось денег на их меблировку.

В 2003–2011 годах цены на недвижимость в Пекине, Шанхае и других крупных городах выросли на 800 %.

“Век амбиций” разделил людей не по их прошлому, а по будущему. При социализме учитывалась “политическая благонадежность” родителей и предков. В новом Китае мужчины и женщины оценивают потенциал друг друга, особенно в том, что касается заработка. Вскоре стало ясно, что на брачном рынке ожидания и реальность не совпадают. Лишь у 10 % мужчин, судя по сайту Гун, имелось собственное жилье. В то же время при опросе почти 70 % женщин заявили, что не выйдут замуж за мужчину без жилья. Точные данные о жилищных перспективах стали основным вопросом потенциального брака. На сайте мне предложили следующие варианты:

1. У меня нет жилья.
2. Я могу купить дом или квартиру, если понадобится.
3. У меня уже есть жилье.
4. Я снимаю жилье вместе с другими.
5. Я снимаю жилье в одиночку.
6. Я живу с родителями.
7. Я живу с друзьями и родственниками.
8. Я живу в рабочем общежитии.

“Если вы снимаете жилье или делите его с другими, считайте, что уже выбыли из игры”, – объяснила Гун. Мужчины с хорошими ответами не стеснялись. Для анкет они придумали выражение *чэфан цзибэй*, “укомплектован машиной и домом”.

Необходимость соответствовать новым требованиям привела к своеобразной “инфляции” языка. Несколькими годами ранее “тройным отсутствием” считался мигрант без жилья, работы и дохода. К тому времени, когда я начал навещать офис Гун Хайянь, “тройным отсутствием” называли уже мужчину без дома, машины и отложенных на черный день денег. Если такой человек женился, это называли “голой свадьбой”. В 2011 году под таким названием вышел мини-сериал о девушке из привилегированного слоя, которая, несмотря на возражения родителей, вышла замуж за пролетария и переехала к его семье. Он стал самым популярным в Китае. Если бы это был роман 30-х годов, его отнесли бы к жанру “о трагической любви”: к концу сериала пара развелась. Не менее популярной стала программа “Если ты тот самый”, где молодые одинокие мужчины и женщины оценивали друг друга. На экране появлялись всплывающие подсказки: является ли кандидат “укомплектованным машиной и домом”. В одном выпуске “тройное отсутствие” предложил женщине покататься на его велосипеде. Она отказалась со словами: “Я лучше буду плакать в БМВ, чем улыбаться на велосипеде”. Это не понравилось цензорам. В шоу ввели почтенную соведущую, проповедующую воздержанность.

Один-два раза в неделю компания Гун устраивала вечера встреч для одиноких. Как-то я побывал на таком в Пекине. В танцевальном зале собралось триста прихорошившихся мужчин и женщин. Им выдали мерцающие фонарики в виде губ, которые следовало прикрепить к одежде. Ведущий поднялся на сцену и начал: “Пожалуйста, положите руку на сердце и повторите: клянусь, что пришел сюда не с целью обмануть или причинить вред”.

На сцену с декорациями из телеигры вышли двенадцать женщин. Каждая держала в руках красную палочку с фонариком в виде сердца: включен – заинтересована, выключен – нет.

Один за другим мужчины (инженеры, аспиранты, банковские служащие двадцати-тридцати лет) поднимались на сцену и отвечали на вопросы. Но все шло не слишком гладко. Банковский клерк с широкой грудью, обтянутой хлопковым свитером, вызывал некоторый интерес лишь до тех пор, пока не сказал, что проводит на работе шесть с половиной дней в неделю. Следующим был профессор физики в твидовом пиджаке. “Никаких великих свершений, лишь бы ни о чем не жалеть”, – описал он свои жизненные устремления. Женщины остались недовольны. Последним оказался немногословный адвокат по уголовным делам, любитель пеших прогулок. Он неплохо справлялся, но испортил впечатление о себе, когда сообщил участникам, что рассчитывает на “покорность”. Фонарики погасли. Адвокат покинул сцену в одиночестве.

Новый год неумолимо приближался. Я разговорился с тридцатилетним Ван Цзинбином (лицо в форме иероглифа “нация”), которому предстояла встреча с семьей: “Они давят на меня, и поэтому я здесь”. После колледжа Ван стал работать в торговле. Он экспортировал салфетки и другую бумажную продукцию. Работа оставила отпечаток на его английском. Когда он попытался описать неудачное свидание, то сказал, что его “вернули”. Мероприятия для одиноких не нравились его сельским родственникам: “Сестра не хотела, чтобы я приходил сюда. Она сказала: “Ты никогда не найдешь здесь девушку”... Мне нужно следовать сердцу. У сестры другое образование и жизненный опыт, поэтому у нас разные взгляды”.

Сестра, окончившая лишь среднюю школу, еще жила в их деревенском доме и продавала с лотка газировку и лапшу. В двадцать лет она вышла за мужчину из соседней деревни, которого выбрали ей родственники. Ван изучал английский в Шаньдунском университете, а после уехал в Пекин. К тому времени, как мы встретились, он прожил в столице пять лет. Ван был на грани выхода из рабочего класса. Пока мы разговаривали, я в уме заполнял за него анкету: “1. Почтительный сын... 4. Скуповатый семьянин... 14. Энергичный”.

Ван пообещал себе, что станет ходить хотя бы на одну встречу в неделю, пока не найдет кого-нибудь: “Сказать по правде, вчера меня вернула девушка, потому что я оказался не таким высоким, как ей казалось”. Я спросил, согласен ли Ван с тем, что ему нужно купить дом и машину, чтобы жениться. “Да, потому что дом и машина – знак вежливости, – ответил он. – Женщина, выходя замуж за мужчину, отчасти выходит замуж за его дом и машину. А я пока арендую жилье... Но у меня есть потенциал... Думаю, чтобы купить дом и машину, мне нужно поработать еще пять лет. Еще пять лет”.

Глава 5

Уже не рабы

Когда Дэн Сяопин объявил, что пришло время “некоторым разбогатеть первыми”, он не уточнил – кому именно. Людям пришлось решать самим. Прежде главной целью партии была классовая диктатура. Мао разорил четыре миллиона частных предприятий. Разрыв в доходах в Китае стал самым незаметным в социалистическом мире. Учащимся объясняли, что буржуи и другие “классовые враги” – это “кровососы” и “паразиты”. Фанатизм достиг пика во время Культурной революции. Тогда даже в армии исчезли звания, хотя это порождало хаос на поле боя: военным пришлось отличать друг друга по количеству карманов на форме (у офицеров их было на два больше, чем у рядовых). Любая попытка улучшить свою участь была не просто бессмысленна, но и опасна. Партия запретила спортивные состязания, и тех, кто прежде завоевывал медали, обвинили в “одержимости трофеями”: честолюбивых устремлениях в ущерб общему благу. Тогда говорили: “Строя ракеты, заработаешь меньше, чем продавая яйца”.

Теперь одной из любимейших тем журналистов стали мечты о *байшоу цунзя* – состоянии с нуля. Мне нравилось читать за ланчем об уличных продавцах еды, которые сделались королями фастфуда, и о других нуворишах. Ничего специфически китайского в этих историях не было, но они легли в основу новой китайской мечты. Тех, кто принял слова Дэна как призыв к действию и преуспел, прозвали *сяньфу цюньти* – “те, кто разбогател первым”. Несмотря на вернувшееся уважение к состояниям, заработанным с нуля, Китай потратил столько времени на борьбу с землевладельцами и “идушими капиталистическим путем”, что большинство “тех, кто разбогател первым”, предпочло не афишировать свой успех. Они говорили: “Человек, приобретающий известность, подобен свинье, накапливающей жир”. “Форбс”, в 2002 году опубликовавший список богатейших китайцев, проиллюстрировал эту секретность фотографиями мужчин и женщин с бумажными пакетами на головах. Победители лотерей тоже беспокоились, и газеты печатали их фотографии с чеками в руках и в маскировке: капюшонах и солнечных очках.

Для компартии возвращение классового разделения открыло новые возможности. Аппаратчики стали цитировать Мэн-цзы: “Отсутствие постоянного имущества служит причиной отсутствия у него [народа] постоянства в сердце”⁴. Партия пришла к выводу, что, объединившись с теми, кто владеет имуществом, она защитится от демократии. Но это привело к парадоксу: как могут наследники Маркса и Ленина, получившие власть, отрицая буржуазные ценности и неравенство, принять новый обеспеченный класс? Как сохранить идеологический фундамент власти?

То было время самоопределения и для партии. Задача легла на плечи председателя КНР и генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя. В 2002 году он выступил с риторическим трюком. Поскольку Цзян не мог говорить о *среднем классе*, он заявил, что партия отныне посвятит себя помощи “новой среднезажиточной страте”. Ей пели дифирамбы партийные функционеры, о ней кричали новые лозунги. Автор из милицейской академии назвал “новую страте” “моральной силой, стоящей за культурой... Эта сила необходима, чтобы ликвидировать привилегии и избавиться от бедности. Она абсолютна”.

Тогда же партия перестала именоваться “революционной” и стала называть себя “правящей”. Те, кто десятки лет называл своих оппонентов “контрреволюционерами”, превратились в таких ярых защитников статус-кво, что слово “революция” стало неудобным. Музей

---

⁴ Пер. В. Колоколова. – Прим. пер.

истории революции у площади Тяньаньмэнь сменил вывеску на “Национальный музей Китая”. Вэнь Цзябао заявил в 2004 году: “Воистину единство и стабильность важнее всего”.

Если эти перемены и показались обычным китайцам лицемерием, у них не было особенного выбора. Партия и народ теперь смотрели в разные стороны: общество стало пестрее и свободнее, а партия – однороднее и строже.

В октябре 2007 года я присутствовал в Доме народных собраний на открытии XVII Все-китайского съезда КПК. Официально делегаты решали, кто будет править КНР. (На самом деле, конечно, решение было принято заранее.) Шестидесятипятилетний председатель КНР и генсек КПК Ху Цзиньтао, как и многие высшие партийцы, был по образованию инженером – технократом, абсолютно уверенным, что “развитие – единственная истина”. Ху был настолько немногословен и внешне бесстрастен, что его прозвали “Деревянное лицо”. В этом он сам был виноват лишь отчасти: после ужасов Культурной революции партия занялась устранением угрозы культ личности и преуспела в этом. Когда Ху был моложе, в его официальной биографии упоминалось о его любви к балетным танцам. Как только он возглавил партию, эта деталь – единственное, что свидетельствовало о его личных предпочтениях, – исчезла.

Ху взирал на две тысячи преданных ему делегатов. Зал купался в красном: покрывающий весь пол ковер, занавеси, огромная звезда на потолке. Перед трибуной в иерархическом порядке сидели чиновники, многие – в красных галстуках, как и сам Ху. Хореография была безупречной: каждые несколько минут молодые женщины с термосами проходили по рядам, разливая чай с точностью пловчих-синхронисток. Ху выступал два с половиной часа. Его речь пестрела выражениями, далекими от языка улиц. Ху, упоминавший “гармоничное социалистическое общество”, “научный взгляд на развитие” и, конечно, “марксизм-ленинизм”, пообещал лишь постепенные политические реформы. Партия, по его словам, должна сохранить “сердцевину”, которая “координирует усилия всех частей” общественного организма.

За стенами Дома народных собраний было заметно возвращение классового неравенства. В 1998 году китайский издатель издал сатирическую книгу Пола Фассела “Класс: о социальном статусе в Америке” (1982). Кроме прочего, там упоминалось, что “чем агрессивнее телесный контакт в том виде спорта, состязания в котором вы смотрите, тем ниже класс”. В переводе сатира пропала, и книгу раскупали как руководство к действию в новом мире. Переводчик объяснял во вступлении: “Одно лишь обладание деньгами не принесет вам всеобщую приязнь и уважение. Гораздо важнее то, что говорят о вас ваши расходы”.

Книга Дэвида Брукса “*Бобо* в раю: откуда берется новая элита?”, переведенная на китайский язык в 2002 году, стала бестселлером. Брукс описывал далекий мир – американскую буржуазную богему, мешающую контркультуру 60-х годов с “рейганомикой”, однако книга совпала с представлением китайцев, желающих преуспеть, о самих себе. Слова “бобо”⁵ и “бубоцзу” в том году стали самыми популярными поисковыми запросами в китайском секторе интернета. Вскоре появились бары для *бубоцзу*, книжные клубы для *бубоцзу* и лэптопы, обещающие подарить *бубоцзу* “яркие романтические эмоции”. Китайская пресса, устав от *бубоцзу*, занялась *дин кэ* (*DINK – Double Income, No Kids*), а после – “сетянами” (*netizens*), “королями собственности”, “рабами ипотеки”. Анонимный автор-китаец изобразил в популярном эссе “белые воротнички” молодых мужчин и женщин,

потягивающих капучино; назначающих свидания в Сети; имеющих семью с двойным доходом, но не имеющих детей; пользующихся метро и такси; не рассуждающих об экономике; останавливающих в хороших отелях; посещающих пабы; долго разговаривающих по

⁵ Сокращение от англ. слов *bourgeois* – “буржуа” и *bohemian* – “богема”. – Прим. пер.

телефону; слушающих блюз; работающих сверхурочно; гуляющих по ночам; празднующих Рождество; заводящих связи на одну ночь... держащих “Великого Гэтсби” и “Гордость и предубеждение” на прикроватных тумбочках. Они живут ради любви, манер, культуры, искусства и опыта.

В “век амбиций” жизнь ускори́лась. При социализме у китайцев почти не было причин торопиться. Если не считать фантазий Мао о “скачках” вперед, люди работали согласно с бюрократическими и сезонными ритмами. Попытка двигаться быстрее или идти на больший риск почти ничего не дала бы. Подобно императорскому двору, социалистическое планирование определяло, когда включать центральное отопление и когда выключать его. Однако внезапно Китай охватило ощущение, что страна опаздывает. Социолог Хэ Чжаофа опубликовал манифест в пользу ускорения. Он сообщил, что в Японии пешеходы ходят со средней скоростью 1,6 м/с, осудил своих соотечественников (“Даже американка на высоких каблуках ходит быстрее молодого китайца”) и призвал ценить каждую секунду: “Нацию, транжирящую время, накажет само время”.

Некоторые жаждущие преуспеть разбогатели прежде, чем поняли, что делать со своими огромными деньгами. В 2010 году Китай охватила “лихорадка иностранного айпио”, и в мае следующего года предпринимательница Гун Хайянь, занимающаяся бизнесом знакомств, вывела свою компанию на американскую биржу (*NASDAQ*). К концу того же дня эти акции стоили дороже семидесяти пяти миллионов долларов. Муж Гун забросил изучение дрозифил.

Гун пригласила меня на ужин. Они купили дом в северном пригороде Пекина. Когда мы съехали с шоссе, солнце клонилось к закату. Мы миновали спа-салон для домашних животных, жилой комплекс *Chateau de la Vie* и свернули к роскошному коттеджному поселку, больше напоминающему Нью-Джерси, чем Хунань. Дом был светло-коричневым, в тосканском духе. Двухлетняя дочь Гун в пижаме бросилась к двери и обняла мать. Муж ждал в столовой, где уже сидели родители и бабушка Гун. Они жили здесь же.

Меня поразило это зрелище: четыре поколения женщин в одном доме. Девяносточетырехлетняя бабушка Гун сильно пострадала во время Культурной революции: ее сочли кулачкой. Она родилась вскоре после того, как в Китае перестали бинтовать женщинам ноги. За ужином я пытался представить, что ей довелось пережить за свою долгую жизнь. “Прежде женщины считали так: “Если хочешь быть одетой и сытой, выходи замуж. Если мужчина отвечает твоим минимальным запросам, выходи за него”, – сказала Гун, подцепляя рис палочками. – Теперь все иначе. Я живу счастливо и независимо. Я могу быть придиричливой. И если мне что-то не понравится в мужчине, у него нет шансов”.

Годами Гун и ее семья кочевали из одной наемной квартиры в другую, вшестером жили в двух комнатах. Теперь у них собственный дом, и живут они среди европейских дипломатов и арабских бизнесменов. Сейчас, спустя девять месяцев после переезда, стены виллы все еще пустуют. У семьи Гун пока нет картин, но это впереди. Мопед стоит в холле: дань деревенской традиции. Не думаю, что его украдут новые соседи. Кажется, семья Гун забрала пожитки из сельского дома в Хунани и распаковала их здесь, на пекинской вилле.

“Век амбиций” потребовал от людей новых знаний и умений. Чтобы помочь начинающим предпринимателям справиться с проблемой выпивки, сопровождающей бизнес в Китае, харбинская вечерняя школа под названием “Вэйлянский институт межличностных отношений” предлагала курс “алкогольной стратегии”. (Вот одна из хитростей: после тоста незаметно выплуньте алкоголь в свой чай.) То, чему нельзя научиться, можно было купить: Чжан Да-чжун – магнат, торгующий бытовой электроникой, – нанял трех человек, чтобы они читали и пересказывали заинтересовавшие его книги.

Задолго до того, как на Западе узнали о повадках напористых “матерей-тигриц”, самым популярным в Китае педагогическим пособием была “Девушка из Гарварда”. В этой книге женщина по имени Чжан Синью описала, как она привела дочь в “Лигу плюща”. Тренировки начались еще до рождения девочки: беременная Чжан сидела на высокопитательной диете, хотя и очень страдала от этого. Когда дочери исполнилось полтора года, Чжан помогала ей заучивать стихи танских поэтов. В первых классах школы девочка делала уроки при шуме (так Чжан стремилась научить ее концентрироваться) и, следуя наставлениям матери, придерживалась графика: двадцать минут занятий – пять минут бега по лестнице. Чтобы воспитать стойкость, Чжан заставляла дочь по пятнадцать минут держать в руках кубики льда. Это можно счесть глупостью, но для людей, пытающихся выбраться из нищеты, оправданной казалась почти любая жертва.

Никто не желал элитарного образования (и преимуществ, которые оно дает) так сильно, как “те, кто разбогател первым”. Многие из них приехали из глуши и знали, что городские интеллектуалы считают их людьми неотесанными. Из-за гигантского населения поступление в колледж в Китае – это настолько жестокое соревнование, что его сравнивают с “десятью тысячами лошадей, пытающимися перейти реку по единственному бревну”. Чтобы исправить положение, правительство всего за десятилетие удвоило число колледжей и университетов, доведя его до 2409. Но и тогда смог учиться лишь один из четырех абитуриентов.

Американское образование было еще престижней, и тревога родителей из среды “тех, кто разбогател первым”, передалась детям. Осенью 2008 года я обедал с женщиной по имени Чэун Янь, более известной как Мусорная королева. Шанхайский журнал “Хужунь репорт” ежегодно публикует рейтинг богачей. В 2006 году Чэун стала первой женщиной, занявшей в рейтинге состояний первое место. Она основала корпорацию “Девять драконов” (сейчас это крупнейший китайский производитель бумаги). Прозвищем “Мусорная королева” Чэун обязана найденной ею рыночной нише: Чэун дешево покупала в США макулатуру, переправляла ее в Китай, перерабатывала в картонные коробки для товаров, сделанных в Китае, и продавала обратно в Америку. В 2006 году “Хужунь репорт” оценил ее состояние в 3,4 миллиарда долларов, в 2007 году оно превышало 10 миллиардов. Чэун обошла Опру Уинфри и Дж. К. Роулинг. Журналисты называли ее богатейшей из женщин, самостоятельно заработавших состояние.

Чэун Янь и ее муж Люмин Чун (бывший дантист, ныне генеральный директор корпорации) встретились со мной в столовой для администрации одного из предприятий Чэун – крупнейшего в мире целлюлозно-бумажного комбината в городе Дунгуань на юге страны. В пятидесятидвухлетней Чэун нельзя было угадать владелицу фабрики. Она не владела английским, а по-китайски говорила с сильным маньчжурским акцентом. Ее рост едва ли превышал полтора метра, и тараторила она так, будто была напрямую подключена к промышленному подсознательному: “Рынок не ждет! Если я не стану расширяться сейчас, если подожду год, два или три, я ничего не сделаю, я упущу возможности. И мы ничего не будем собой представлять, мы будем как любая другая фабрика”.

Пока мы ели, Чэун не хотела говорить о бизнесе. Она и ее муж жаждали рассказать о двух своих сыновьях. Старший учился в магистратуре инженерного факультета Колумбийского университета, а младший – в частной школе в Калифорнии. Во время обеда ассистентка передала Чэун копию рекомендации для колледжа, составленной преподавателем. Чэун просмотрела ее и вернула. “Средняя оценка – от 4 до 4,3”, – сообщила она мне. И с гордостью самоучки прибавила: “Его голова теперь устроена на американский лад. Ему стоит получить и китайское образование. Иначе он не найдет баланса”.

В 2005 году, когда я приехал в Китай, в американских частных школах (по данным Министерства внутренней безопасности США) обучалось всего 65 китайцев. Пять лет спу-

стя их насчитывалось около 7 тысяч. Я уже не удивляюсь, когда крупные партийные функционеры говорят, что их дети учатся в Андовере или в Уотертауне. А недавно группа влиятельных китайцев пошла напрямик: организовала для своих детей роскошную частную школу в Пекине. Управлять ею пригласили бывших директоров школ “Чоут” и “Гочкисс”.

Из всех путей саморазвития теперь ничто не вызывало такого ажиотажа, как овладение английским. “Лихорадка английского языка” поражала официантов, гендиректоров, университетских профессоров. Она сделала язык главным показателем потенциала – силой, способной полностью изменить резюме, привлечь спутника жизни или покинуть наконец деревню. Мужчины и женщины на сайте знакомств Гун включали знание английского в свои анкеты наряду с упоминанием о машинах и домах. Каждый поступающий в колледж должен был владеть английским хотя бы на базовом уровне, и это был единственный иностранный язык, знание которого проверяли. В романе Ван Гана “Английский” сельский учитель говорит: “Если бы я осознал место каждого слова в [английском] словаре, передо мной открылся бы целый мир”.

В XIX веке в Китае презирали английский – язык посредников, имеющих дело с иностранными купцами. “Эти люди, как правило, мелкие плуты и бездельники из городов, презираемые в собственных деревнях и общинах”, – писал в 1861 году ученый-реформатор Фэн Гуйфэнь. При этом Фэн прекрасно понимал, что дипломатам необходим английский язык, и призывал учредить языковые школы: “В Китае множество талантливых людей; должны найтись те, кто может научиться у варваров и превзойти их”. Мао навязывал своей стране русский язык и репрессировал столько учителей английского, что к 60-м годам во всем Китае насчитывалось менее тысячи школьных учителей. После того как Дэн открыл Китай миру, началась “лихорадка английского языка”. В 2008 году 80 % опрошенных китайцев считали, что им жизненно необходим английский. (Сочли, что важно выучить китайский, лишь 11 % американцев.) К 2008 году насчитывалось 200–350 миллионов китайцев, изучающих английский язык. Акции крупнейшей системы языковых школ “Нью ориентал” были выставлены на торги на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Мне хотелось встретиться с Ли Яном – самым известным в Китае учителем английского и, возможно, единственным на планете преподавателем иностранного языка, который славен тем, что ученики на его занятиях плачут от восторга. Ли был главным преподавателем и главным редактором собственной компании “Крейзи инглиш” (*Li Yang Crazy English*). Его студенты твердили его биографию как заклинание: родился в семье партийных пропагандистов, чьи представления о дисциплине сделали Ли настолько забитым, что он не решался ответить на телефонный звонок; чуть не вылетел из колледжа, но начал готовиться к экзамену по английскому языку, читая вслух, – и обнаружил, что чем громче он читает, тем увереннее себя чувствует; стал знаменитостью в колледже и построил собственную империю. За двадцать лет преподавания Ли самолично появился перед миллионами китайцев.

Весной 2008 года я встретился с ним, когда он посетил (с фотографом и личным помощником) интенсивный суточный семинар в небольшом колледже на окраине Пекина. Ли вошел в класс и прокричал: *Hello, everyone!* Студенты зааплодировали. Тридцатиоднолетний Ли был одет в сизую водолазку и угольного цвета полупальто. В черных волосах уже появилась проседь.

Ли оглядел студентов и попросил их встать. Это были пекинские врачи тридцати-сорока лет, отобранные для работы летом на Олимпийских играх. Как и миллионы китайцев, изучающих английский по книгам, врачи едва могли заставить себя говорить на этом языке. Ли прославился благодаря своей методике *ESL* (“английский как второй язык”), который гонконгская газета назвала *English as a Shouted Language* (“английский как язык

крика”). Крик, утверждал Ли, помогает развить “международную мышцу”. Ли стоял перед студентами, подняв правую руку, как проповедник.

- *I!* – прогремел он.
- *I!* – послышалось в ответ.
- *Would!*
- *Would!*
- *Like!*
- *Like!*
- *To!*
- *To!*
- *Take!*
- *Take!*
- *Your!*
- *Your!*
- *Tem! Per! Ture!*
- *Tem! Per! Ture!*

Следом врачи попробовали свои силы поодиночке. Женщина в модных темных очках произнесла: *I would like to take your temperature* [“Я бы хотела измерить вашу температуру”]. Ли театрально покачал головой. Женщина покраснела и прокричала: *I would like to take your temperature!* Коренастому мужчине в военном мундире ободрение не понадобилось. За ним крошечная женщина выжала из себя трескучий вопль. Мы шли по классу, и каждый голос звучал увереннее предыдущего. Я подумал о реакции вероятных пациентов, но задать вопрос не успел: Ли направился в соседний класс.

Ли с легкостью преподавал на стадионах для десяти и более тысяч человек. Самые увлеченные платили за “бриллиантовый” курс, включавший дополнительные занятия в малых группах с великим человеком. Стоимость такого курса составляла двести пятьдесят долларов в день – больше среднего месячного заработка. Ученики просили у Ли автограф. Иногда они присылали ему любовные письма с нижним бельем.

Существует и другой взгляд на методику Ли. “Еще не ясно, действительно ли он помогает освоить английский”, – сказал мне Боб Адамсон, специалист из Гонконгского института образования. Фирменный крик Ли, по-моему, не дотягивал до вопля, которым вы пытаетесь предупредить кого-либо о стремительно приближающемся грузовике, но был явно громче призыва к столу.

Ли нравились громкие патриотические лозунги вроде “Овладей английским и сделай Китай сильнее”. На своем сайте Ли объяснял:

Америка, Англия, Япония – никто не хочет, чтобы Китай был большим и сильным! Чего они по-настоящему хотят, так это того, чтобы китайская молодежь носила длинные патлы, странную одежду, пила газировку, слушала западную музыку, не имела боевого духа и стремилась к удовольствиям и комфорту! Чем сильнее деградирует китайская молодежь, тем *они* счастливее!

Ван Шуо, один из крупнейших современных китайских романистов, отнесся к националистической риторике Ли с отвращением:

Я уже видел подобное. Это старое колдовство: собери большую толпу, заведи ее, вызови у людей ощущение силы, убеди их, что они могут свернуть горы и осушить моря... Я думаю, Ли Ян любит нашу страну. Но если продолжать в том же духе, боюсь, патриотизм обернется какой-нибудь дрянью вроде расизма.

Общаясь со студентами Ли, я обнаружил, что они считают его не столько преподавателем, сколько живым свидетельством самосовершенствования. Ли выступал в Запретном городе и на Великой стене. Его имя появилось на обложках более сотни книг, видео- и аудиодисков, компьютерных программ. Большая часть продуктов Ли выпускались с его портретом: очки без оправы, победная улыбка – типичный китаец-горожанин XXI века. Ли был высокомерен. Он сравнил себя с Опррой Уинфри и заявил, что продал “миллиард” своих книг. (Можно было и не приукрашивать действительность: один из издателей подтвердил, что книги Ли продаются миллионными тиражами.) Обозреватель официальной “Чайна дейли” назвал Ли “демагогом”. “Саут Чайна морнинг пост” задавалась вопросом, не превращается ли “Крейзи инглиш” в “одну из тех сект, лидеры которых требуют почитать себя как богов”. (“Секта” – опасное слово. “Фалуныгун” получил этот ярлык в 1999 году, и его сторонников преследуют до сих пор.)

Когда я спросил Ли об обвинениях в “сектанстве”, он сказал: “Я был взбешен, услышав это”. Он заявил, что поклонение его не интересует: “Секрет успеха – заставлять их плакать снова, снова и снова”.

Космология Ли увязывала способность говорить по-английски с личным влиянием, а личное влияние – с могуществом нации. Это порождало сильное, иногда отчаянное, обожание. Ученик по имени Фэн Тао рассказал мне, что однажды у него хватило денег на лекцию Ли, но не хватило на поезд: “И тогда я пошел и сдал кровь”. Находиться в такой толпе может быть небезопасно. Ким, американская жена Ли, рассказала мне: “Бывало, я просила какого-нибудь крепкого мужчину вытащить дочь из толпы. Люди толкались так, что становилось страшно”.

Ким воспринимала меня как островок нормальности среди бурного океана “Крейзи инглиш”. “Я просто мама, которая случайно угодила в это безумие”, – сказала она со смехом. Ким преподавала во Флориде английский и встретила Ли в 1999 году во время своей поездки в Китай с группой Учительского союза Майами. Они поженились спустя четыре года, и Ким начала выступать вместе с Ли. Ее сдержанное остроумие и стопроцентно американский внешний вид прекрасно дополнили стиль мужа. Сначала Ким озадачивало фигурство Ли и его националистические эскапады, но умение этого человека находить общий язык с учениками в конце концов покорило ее: “Ли искренне увлечен. Разве мне, учителю, может такое не понравиться?”

Пару недель спустя после семинара в Пекине я попал на главное мероприятие Ли в году – в “Интенсивный зимний лагерь “Крейзи инглиш””. Погода в те выходные выдалась худшей за последние полвека. Буран пришелся на выходные – наступил Новый год по лунному календарю, самый важный семейный праздник. Вокруг царил хаос. В Гуанчжоу сотни тысяч путешественников не могли покинуть здание вокзала. Но каким-то образом семьсот взрослых и детей все же добрались до лагеря в южном городе Цунхуа. Десятилетний мальчик сказал мне, что ехал на машине, которую вел его старший брат, четыре дня.

Супервизоры носили камуфляж и были вооружены мегафонами. Ученики передвигались колоннами. Отовсюду с плакатов с английскими фразами смотрел Ли. Плакат на лестнице в столовую гласил: “А заслужили ли вы обед?” С плаката на площади, где ученики строились перед занятиями, Ли советовал: “Не подводите свою страну”, а на двери, ведущей на арену, значилось: “Хотя бы раз в жизни вы должны поддаться безумию”.

В девять утра в день открытия студенты заняли арену. Там было холодно, как и в общешитиях. (Я спал полностью одетым и в шапке.) Ли усматривал в способности говорить по-английски связь с физической выносливостью: разрыв между англоговорящим и не-англоговорящим мирами настолько велик, что для преодоления этой пропасти уместны и тяжелая работа, и унижение. Он приказывал своим ученикам “полюбить терять свое лицо”. На

видео, записанном для школьников средних и старших классов, он говорил: “Вы должны делать много ошибок. Над вами должны смеяться. Но это неважно, потому что ваше будущее отличается от будущего других”.

Подиум с красной ковровой дорожкой делил толпу надвое. После взрыва фейерверков Ли вышел на сцену с беспроводным микрофоном. Он пружинисто вышагивал взад-вперед. “Шестая часть населения планеты говорит на китайском языке. Почему мы учим английский? – спросил Ли и показал на преподавателей-иностранцев, угрюмо сидящих у него за спиной. – Потому что мы жалеем их, неспособных говорить по-китайски!” Толпа взревела.

Следующие четыре часа, которые мы провели на холоде, Ли переходил от оскорблений к поощрениям и обратно, всячески выделяваясь перед камерой. Аудитория млела от восторга... По утрам ученики вместе бегали, выкрикивая английские слова и фразы. В последнюю ночь они ходили по углям. Между занятиями все бормотали что-то, уткнувшись в книги Ли.

Выйдя однажды подышать, я встретил Чжан Чжимина – мужчину тридцати трех лет с чубчиком как у Тинтина. Он попросил, чтобы я называл его Майклом, и рассказал, что пять лет проучился в “Крейзи инглиш”. Чжан был сыном шахтера-пенсионера и не мог позволить себе билет в лагерь, поэтому весь предыдущий год он работал здесь охранником и старался все услышать. Теперь его назначили помощником преподавателя и даже положили небольшую стипендию.

“Обычно, когда я вижу Ли Яна, я немного нервничаю, – сказал Майкл, когда мы грелись на солнце. – Это сверхчеловек”.

Энтузиазм Майкла был заразителен. “Пока я не знал о ‘Крейзи инглиш’, я был просто очень застенчивым китайцем, – говорил он. – Ян слова не мог вымолвить. Был очень зажат. А теперь я уверен в себе. Я могу говорить с кем угодно на людях, и я могу убедить людей говорить вместе”.

Старший брат Майкла работал ассистентом Ли. Майкл стал по восемь часов в день изучать английский, снова и снова слушая записи Ли, голос которого звучал, “как музыка”.

Любимой книгой Майкла была “Библия стандартного американского произношения” Ли Яна, которая помогла ему подтянуть гласные и одолеть согласные. В конце концов он получил работу преподавателя в школе английского и надеялся со временем открыть собственную. Я расспрашивал учеников Ли Яна, какую роль играет в их жизни английский язык. Крестьянин, выращивавший свиней, желал достойно встретить американских покупателей. Финансист, приехавший сюда в свой отпуск, подумывал о повышении. Майкл не сомневался, что английский может многое ему дать. Несколько лет назад брат Майкла занялся сетевым маркетингом (он продавал спортивное питание). Подобная торговля (китайцы называли компании прямых продаж “крысиными обществами”) процветала в эпоху быстрого экономического роста, когда люди мечтали о быстрых деньгах.

“Он всегда хотел втянуть меня в это”, – начал свой рассказ Майкл, и я попытался представить его расхваливающим некий белковый коктейль с той же страстью, с какой он теперь отдавался английскому языку. “Я потратил полгода и ничего не получил”, – посетовал Майкл. Его брату пришлось отправиться в США, чтобы заработать деньги и расплатиться с кредиторами. Он работал официантом в Нью-Йорке, и до его возвращения Майкл должен был содержать родителей.

С течением нашей беседы решительность Майкла таяла. Брат хотел, чтобы и Майкл переехал в Америку: “У него грандиозные мечты... Но я не очень хочу туда ехать, потому что хочу иметь собственное дело. Работая на другого человека, не станешь богатым. Не сможешь купить дом, машину, содержать семью”. Майкл опустил глаза: “У меня нет выбора. Это жизнь. Я должен улыбаться. Но я чувствую ужасное давление. Иногда хочется плакать.

Но я же мужчина”. Он замолчал. Воздух был неподвижен, если не считать голоса Ли, выступавшего на арене.

Несколько недель спустя Майкл пригласил меня на ланч в свою квартиру в Гуанчжоу, где он жил с родителями. Это был район многоэтажек. Майкл был в хорошем настроении: “Меня повысили до супервизора, я получил прибавку”. Жилище состояло из гостиной, двух маленьких спален и кухни. Его родители готовили, пахло имбирем. Майкл и его отец делили двухъярусную кровать в одной комнате, а его мать и ее старшая сестра жили в другой. Комнату Майкла занимали в основном учебники английского. Английский казался материальным, третьим – и притом неряшливым – соседом по комнате. Майкл порылся в ящике и вынул самодельные словарные карточки. На карточке “Занятия” значилось: “Астроном; булочник; бармен; биолог; босс; ботаник...”

Когда Майкл был ребенком, семья жила в шахтерском городке под названием Шахта № 5. Его родители, пережившие тяжелые годы бедности и политических неурядиц, имели одну цель в жизни – “провести остаток своих дней в покое”. Но Майкл отчаянно желал выбраться из Шахты № 5. В отрывке, который он использовал для языковой практики, он написал:

Я не могу ежедневно есть паровой хлеб, лежалую зелень и бататы.
Я не могу год за годом носить одну и ту же заштопанную одежду, служа посмешищем для одноклассников. Я не могу идти час пешком до старой занюханной школы.

На деньги, занятые у босса шахты и других людей, Майкл поступил в колледж, где влюбился в английский. В дневнике он записал: “Иногда я даже не могу уснуть – так сильно хочу изучать английский”. Он смотрел американские фильмы и копировал гулкий голос Муфасы из “Короля-льва”. Муфасу озвучил Джеймс Эрл Джонс. Молодой китаец, говорящий как Дарт Вейдер, не остался в лагере незамеченным. “Он был словно обкуренный”, – сказал мне Гобсон, приятель Майкла.

Студентом Майкл работал на местной радиостанции и мыл посуду в Кей-эф-си, и все же, даже с учетом ссуды, полученной от босса угольной шахты, обучение было для него слишком дорогим. Майкл отчислился после двух лет и посвятил все свое время “Крейзи инглиш”. Он поглощен задачей управления собственной судьбой сильнее, чем все, кого я знаю, и называет себя “заново родившимся англоговорящим”. В своем дневнике Майкл больше не описывает неудачи: “Рост дерева зависит от климата, но я сам управляю погодой, управляю собственной судьбой. Нельзя изменить начальную точку своей жизни, но с помощью обучения и упорной работы можно изменить конечную!” Его книжные полки ломаются от самоучителей. Майкл перенял у продавцов привычку прибавлять ко всем фразам заискивающее “верите ли”.

Когда мы сидели в его комнате, Майкл решил прослушать записи, которые он подготовил для своих учеников, оттачивающих произношение. Он открыл файл “Что такое английский язык?” На фоне из звука волн и крика чаек зазвучали фразы, надиктованные девушкой по имени Изабель: “Английский язык – это легко. *Я могу овладеть английским. Я буду пользоваться английским. Я выучу английский. Я буду жить в английском. Я больше не раб английского. Я – его хозяин. Я верю, что английский станет моим преданным слугой и другом на всю жизнь*”.

Это продолжалось несколько минут. Майкл внимательно слушал. Я осматривал комнату, и мой взгляд наткнулся на небольшой листок в ногах кровати. Надпись на китайском гласила: “Прошлое не предопределяет будущее. Верь в себя. Твори чудеса”.

Глава 6

Борьба насмерть

Ветры “века амбиций” пронеслись от побережья вглубь материка, вспять по маршрутам миграции: из крупных городов в небольшие, а оттуда – в деревни. Люди, ждавшие шанса больше других, пустились во все тяжкие. Обитатели далеких деревень взялись изобретать. Некоторые идеи “крестьянских да Винчи” были исключительно прагматичны (так, мужчина с больными почками построил из кухонной техники и медицинских деталей прибор для диализа), но чаще всего изобретателей вдохновляло внезапное ощущение, что возможно все. Они собирали гоночные машины и роботов. Старик У Шуцзай построил деревянный вертолет. Соседи говорили, что тот похож на клетку для кур, но У продолжал им заниматься в надежде на то, что сможет “улететь с этой горы и повидать мир”.

И все же, несмотря на разговоры о “крестьянских да Винчи” и заработанных с нуля состояниях, стало ясно: за “теми, кто разбогател первым”, было не угнаться. В 2006 году 10 % самых обеспеченных китайцев-горожан зарабатывало в 8,9 раза больше, чем беднейшие 10 %, а в 2007 году – в 9,2 раза больше. Число манифестаций, в том числе организованных рабочими из-за невыплаченной зарплаты, и крестьян, чья земля была изъята под застройку, дошло в 2005 году до 87 тысяч (десятилетие назад было 11 тысяч). Чем больше людей замечало растущую пропасть, тем отчаяннее они стремились оказаться среди победителей. Учитель английского Майкл счел, что ему нужно работать больше, и ограничил сон четырьмя часами: “Деньги я могу заработать. Время я заработать не могу”.

Погоня за богатством стимулировала изобретательность, но иногда приводила к чудовищным последствиям. Ван Гуйпин, портной из дельты Янцзы, привлек соседей к занятиям химией, убеждая односельчан, что это “даст место моему сыну в хорошей школе, а всех нас сделает горожанами”. По ночам, пока семья спала, портной с девятью классами образования возился с книгой по химии. Он обнаружил, что может замаскировать слабительное под более дорогую разновидность и забирать себе разницу в цене. “Прежде чем продавать его, я выпил немного, – вспоминал он позднее. – Слегка обожгло желудок, но ничего страшного”. Потом он нашел и другие дешевые заменители, а его доход вырос. Но зелья все-таки оказались ядовитыми, и из-за сиропа от кашля в 2006 году в провинции Гуандун умерло 14 человек. Портной отправился в тюрьму, а в Китае закрыли более 400 мелких медицинских фирм-производителей. От подделок погибли сотни людей – иногда далеко от Китая, даже в Панаме.

Как и предыдущие “лихорадки”, гонка за богатством повлияла на каждого по-своему. Когда она настигла пятидесятилетнего Сиу Юньпина, бывшего парикмахера, то подстегнула его страсть к риску. Летом 2007 года он начал регулярно ездить из окрестностей Гонконга, где он жил, в Макао – единственное в Китае место, где можно легально играть. Макао, расположенный на полуострове и нескольких островах, находится в месте впадения реки Чжуцзян в Южно-Китайское море и занимает территорию, равную трем Манхэттенам. Мао давно запретил в КНР азартные игры, однако Макао почти пятьсот лет был португальской колонией, и в 1999 году, когда его вернули Китаю, отчасти сохранил вольную атмосферу, из-за которой У. Х. Оден назвал город “сорняком, завезенным из католической Европы”. К 2007 году, когда Сиу начал ездить в Макао, доходы местных казино стали превышать выручку в Лас-Вегасе – до тех пор богатейшего игрового города. Еще через несколько лет оборот Макао шестикратно превысил лас-вегасский.

Сначала Сиу не везло. Он вырос в хижине с жестяной крышей в поселке в окрестностях Гонконга. В год его рождения случилось наводнение, после пришла засуха, а следом тайфуны. “Как будто боги хотели уничтожить нас, сведя с ума”, – заметил местный чиновник

в мемуарах. У Сиу было пять братьев и сестер. Его образование ограничилось начальной школой. Прежде чем стать парикмахером, он работал портным и строителем. В Гонконге азартные игры были под запретом, но, как и во многих китайских общинах, здесь в игре видели надежду улучшить жизнь, и в девять лет Сиу наблюдал из толпы, как играют в карты. В тринадцать он сам играл по маленькой, и подпольный игорный дом нанял его следить за игроками: “Когда я видел, что кто-то мухлюет, я говорил боссу”.

Выросши, Сиу продолжал играть, но не особенно успешно. Аккуратный и жилистый, с пухлыми щеками, густыми волосами и взглядом человека, привыкшего самостоятельно заботиться о себе, Сиу женился в девятнадцать лет. Он завел троих детей, развелся и вновь женился. В родной деревне Фукхинь, “Приветствующей удачу”, Сиу знали как Закоренелого Игрока Пхина. Его это не слишком волновало.

Работая парикмахером, Сиу подружился с худым подростком по имени Вон Кхаммин. Вон вырос в том же районе, одном из беднейших в Гонконге, и тоже бросил школу, чтобы работать. Они иногда встречались в кафе, где Вон трудился вместе с матерью. Сиу хотел стать застройщиком, строить и продавать дома среди рисовых полей рядом с деревней, а Вон – открыть ресторан. Они сблизились еще теснее, когда Вон начал подрабатывать в Макао как “агент по развлечениям”: он отыскивал игроков, предоставлял им кредит и получал долю от их ставок. Вон пригласил Сиу в игру.

Раз или два в неделю тот садился на паром, идущий через Чжуцзян в Макао. Семьдесят тысяч человек ежедневно приезжали сюда, чтобы попытаться счастья – более половины из них были с континента. Сиу не питал иллюзий: “Из десяти выиграют, может быть, трое. А если эти трое продолжают играть, заработает один”. Он играл в баккару, любимую игру китайцев. Она дает больше шансов выиграть, и ее легче освоить. Пунто-банко – вариант баккары, предпочитаемый в Макао – не требует навыков; результат определяется сразу, как только сданы карты.

Спустя несколько недель, в августе 2007 года, Сиу стало крупно везти. Иногда он выигрывал тысячи долларов, иногда – сотни тысяч. Сиу пригласили по рекомендации Вона в ВИП-залы, открывавшие двери только тем, кто готов ставить серьезные деньги, и он стал регулярно летать через залив на вертолете. Чем больше Сиу играл, тем больше Вон зарабатывал на комиссионных и чаевых.

Игровые города – святилища самокопания. Лас-Вегас был аванпостом в пустыне, истязаемым песчаными бурями и наводнениями (забытой Богом землей, по мнению мормонских миссионеров XIX века), пока не вырос в огромный город. Ежегодно туда приезжает больше людей, чем в Мекку. Хэл Ротман, современный исследователь истории американского Запада, заметил, что Лас-Вегас ставит перед посетителем вопрос: “Кем ты хочешь быть, что ты готов за это отдать?”

В Макао паром встречала толпа зазывал. Молодая женщина вручила мне проспект “Ю-эс-эй дайрект”: здесь был указан бесплатный номер, по которому владеющие китайским языком люди могли дешево найти и купить недвижимость в Америке. Мой телефон завибрировал. Это было сообщение от казино:

“Город мечты” поздравляет счастливого победителя викторины “Один доллар, чтобы стать богатым, богатым, богатым” с главным призом в 11562812 гонконгских долларов! Оседлайте “Экспресс Фортуны”. Следующим миллионером можете стать вы!

Город с полумиллионным населением казался Китаем в миниатюре. Здесь правили бал амбиции и риск, но количество денег и людей, текущих через город, превращало этот раствор в такой сильный экстракт, что он был и силой Макао, и его слабостью. Прежде Макао

производил фейерверки, игрушки и искусственные цветы, но с приходом казино фабрики исчезли. Средний горожанин зарабатывал больше, чем средний европеец; разрыв между богатыми и бедными был огромен и постоянно увеличивался, как и на континенте. Строительство не останавливается ни на минуту. Вид из окна отеля напомнил мне о первых месяцах в Китае – с круглосуточно сверкающими в окнах огнями сварки.

Скорость развития Макао даже по китайским меркам была невероятной. В 2010 году крупные игроки в Макао поставили на кон около шестисот миллиардов долларов: примерно столько наличных снимают в банкоматах Америки за год. Но гора наличных на столах Макао – лишь часть картины. Согласно годовому отчету Совместной комиссии Конгресса и федерального правительства США по Китаю, “рост азартных игр в Макао, подпитываемый деньгами игроков из континентального Китая и открытием принадлежащих американцам казино, сопровождается всепроникающей коррупцией, подъемом организованной преступности и отмыванием денег”. В 2009 году американские дипломаты во внутренней переписке назвали Макао “прачечной”. По словам Дэвида Эшера (главного советника Департамента США по делам Восточной Азии и Океании при администрации Буша), Макао “из декораций к фильму о Джеймсе Бонде превратился в декорации к ‘Идентификации Борна’”.

В 2005 году агенты ФБР под видом представителей колумбийских партизан из ФАРК внедрились в банду контрабандистов, в которую входил житель Макао. Когда агент Джек Гарсиа спросил об оружии, тот прислал каталог. Гарсиа заказал противотанковые ракеты, гранатометы, автоматы. Чтобы выманить продавца и его сообщников из Макао, ФБР устроило в США фальшивую свадьбу двух участвовавших в операции агентов. Гости получили элегантные приглашения на торжество на борту яхты, отходящей из Кейп-Мей, штат Нью-Джерси. “Я был ‘шафером’, – рассказал Гарсиа. – Мы должны были отвезти их на мальчишник, а доставили в офис ФБР”. Арестовали пятьдесят девять человек. Министерство финансов США включило “Банко дельта Азия” (Макао) в черный список за участие в отмывании денег, к чему имел касательство и северокорейский режим. Банк все отрицал.

Азартные игры стали частью китайской культуры еще во времена династии Ся (1000–1500 гг. до н. э.) “Государство стремилось запретить азартные игры, – объяснял мне Дезмонд Лим, профессор маркетинга из Университета Макао, – однако чиновники оказывались среди самых заядлых игроков... Их лишали титулов, пороли, сажали в тюрьму, ссылали, но все без толку – привычка сохранялась”. Вместе с Лимом (он изучал пристрастие китайцев к риску) я отправился в “Город мечты” – комплекс казино, реклама которого гласила: “Приходи, играй, меняй свою жизнь”.

Макао притягивал интриги всякого рода со времени основания города. В 1564 году, гласит легенда, китайские рыбаки попросили у португальцев помощи в борьбе с пиратами. Португальцы спрятали пушки на джонках и победили. Благодарные китайцы позволили португальцам остаться на полуострове. Макао стал важным перевалочным пунктом между Индией и Японией, но близлежащий порт Гонконга оказался удобнее, и Макао пришлось искать альтернативу: опиум, проституцию и азартные игры. Когда сочинявший книгу “Города порока” писатель Хендрик де Леу посетил город в 30-х годах XX века, он назвал Макао пристанищем “всех отбросов мира, пьяных моряков, бродяг, отверженных, самых бесстыдных, красивых и диких женщин”.

Большую часть своей истории Макао выглядел скорее средиземноморским, нежели китайским городом, со своими барочными церквями и кафе под пальмами, где старые эмигранты за завтраком листают “Трибуна де Макау”. Ко времени моего приезда город стал напоминать Персидский залив: роскошные отели с кондиционерами, многоэтажки с припаркованными спортивными машинами. Нередко налоговые поступления в Макао почти вдвое превышали расходы бюджета, и, как и в Кувейте, местные жители получали чеки в рамках

программы по распределению богатства (*Wealth Partaking Scheme*). Уровень безработицы не поднимался выше 3 %. “Мы добьемся за пятнадцать лет того, чего Лас-Вегас достиг за семьдесят пять”, – похвастался мне за выпивкой Паулу Азеведу, издатель “Макау бизнес” и других местных журналов. Невероятно быстрое развитие привело к тому, что горожане нуждаются в необходимом: такси, дорогах, жилье, медицинском обслуживании. “Лечить зубы я езжу в Таиланд”, – сказал Азеведу. Однажды в Макао почти кончились деньги. Казино изменили ритм жизни и работы города, и это не всем по душе. Ау Кхамсань, член Законодательной ассамблеи Макао, работавший учителем старших классов, слышал от учеников: “Я уже сейчас могу получить работу в казино и зарабатывать больше учителя”.

Недалеко от паромной пристани находится комплекс с двумя отелями, принадлежащий Стиву Уинну, магнату из Лас-Вегаса. В здешнем бутике “Луи Виттон”, говорят, объем продаж в пересчете на квадратный метр площади больше, чем где бы то ни было. Миновав аквариум со светящимися медузами (чтобы спать ночью, им требуется специальный занавес), пиар-менеджер казино объяснил, что китайская клиентура требует роскоши: “Все они президенты или председатели”. Мы остановились у нового ресторана (мишленовская “звезда”), в штате которого состоит поэт, сочиняющий стихи для важных гостей. Я спросил у официантки, для чего у каждого стола стоит маленький табурет, обтянутый белой кожей. Она ответила: “Это для вашей сумки”.

Еще поколение назад китайцы закапывали драгоценности на заднем дворе на случай репрессий. К 2012 году Китай обошел США, став крупнейшим потребителем предметов роскоши. Хотя китайцы не скучали по бедности, они не могли не задумываться о том, как их меняет стяжательство. Ходила шутка о мужчине, которого на пекинском перекрестке задел спортивный автомобиль и оторвал руку. Мужчина пришел в ужас: “Мои часы!”

Ничто в Китае так не напоминало “позолоченный век” Америки, как Макао. Мэтью Джозефсон, автор “Баронов-разбойников”, описывал, как американцы в 70-х годах XIX века привыкали к богатству. Некто “велел просверлить себе отверстия в зубах и вставить два ряда бриллиантов. Когда он гулял, его улыбка сверкала на солнце”. Претензии к американской политической системе того времени напоминают нынешние претензии к китайской: коррупция, неуважение к закону, слабость перед лицом трестов. В 7080-х годах XIX века, когда Америку сотрясали забастовки и демонстрации, их подавляли. Томас Скотт, президент Пенсильванской железной дороги, советовал “выдать забастовщикам пайку свинца на пару дней, и посмотрим, как им понравится такой хлеб”. Европейцы не без удовольствия отмечали, что Америка от варварства перешла к упадку, минуя стадию цивилизации.

Но если где-нибудь люди и были невосприимчивы к угрызениям совести по поводу богатства, так это в Макао. Продумывая дизайн казино, Стив Уинн учел китайские суеверия. Когда проектировщики поняли, что число кабинетов в спа-салоне – четыре – может отпугнуть клиентов (по-китайски “четыре” звучит почти так, как “смерть”), они устроили ряд фальшивых дверей, чтобы тех стало *восемь*: по-китайски звучит почти как “богатство”. В Лас-Вегасе Уинн добился успеха, сделав ставку на роскошь вместо кэмп (то есть на Пикассо, а не Уэйна Ньютона), однако в его отеле в Макао нашлось место “вау-эффекту”. Ежечасно туристы собираются в холле, чтобы посмотреть, как из пола появляется гигантский аниматронный дракон, вьется в воздухе, сверкает красными глазами и извергает из ноздрей дым.

В “Городе мечты” пахнет парфюмом, сигаретами и шампунем для ковров. Игроки-китайцы редко пьют, когда на кону деньги. Низкий веселый гул прерывался, когда кто-то колотил по столу от радости либо отчаяния или заклинал карты. Однажды ночью я наблюдал игру в баккару. Худой мужчина с густыми бровями и красным, блестящим от пота лицом медленно поднимал краешек своей карты, а сосед кричал: “Продул! Продул!”, чтобы сгла-

зять карту большого достоинства. Когда худой поднял карту достаточно, чтобы ее увидеть, его лицо исказилось от отвращения. Он бросил карту на стол.

“Американцы считают, что судьба в их руках, а китайцы воспринимают ее как внешнюю силу, – сказал Лим. – Чтобы изменить судьбу, по мнению китайцев, нужно совершать действия, приносящие удачу”. Китайцы-игроки рассуждают о ставках как об инвестициях и об инвестициях – как о ставках. Фондовая биржа и рынок недвижимости, по мнению китайцев, мало чем отличаются от казино. Исследователи поведения Элке Вебер и Кристофер Се сравнили китайский и американский подходы к финансовому риску. Они выяснили, что китайские инвесторы, как правило, считают себя более осторожными, нежели американцы. Однако когда дошло до дела (ученые предложили участникам эксперимента ряд гипотетических финансовых задач), оказалось, что китайцы рискуют гораздо сильнее, чем американцы примерно того же достатка.

Пожив в Китае, я привык к тому, что здешние мои друзья принимают финансовые решения, которые я нахожу рискованными, например, начинают бизнес на сбережения или переезжают на другой конец страны, не получив прежде гарантий трудоустройства. Одно из объяснений (Вебер и Се назвали его “гипотезой подушки”) гласит: традиционные широкие семейные связи помогают китайцам быть уверенными, что они получают помощь, если их риск не оправдается. Другая теория связана с китайским бумом. “Экономические реформы Дэн Сяопина сами по себе были азартной игрой, – объяснил мне Рикарду Сяо, профессор бизнеса Университета Макао. – Так что люди пришли к мысли, что идти на риск не просто нормально, а – обязательно”. Для тех, кто выбрался из нищеты и пробился в средний класс, ход мыслей мог быть таким: “Если я потеряю половину денег, ничего страшного – я уже пережил это. Я не буду бедняком и через несколько лет снова заработаю. А если выиграю? Я стану миллионером!”

Китайский подход к риску напомнил мне судьбу Линь Ифу, который сделал ставку на новый Китай. Он рисковал всем, покинув дом, и, хотя его путь драматичнее, чем у большинства, это решение было похоже на решение любого мигранта, ищущего лучшей жизни: Гун Хайянь, или последователей “Крейзи инглиш”, или, раз уж на то пошло, европейцев, приехавших в Америку в ее “позолоченный век”. *Кем ты хочешь быть, что ты готов за это отдать?*

Закоренелый Игрок Пхни привлек к себе внимание. Четыре месяца спустя после его успеха в колонке сплетен и светской хроники гонконгской газеты “Пинго жибао” упомянули “загадочного” человека, навещающего в Макао и, по слухам, заработавшего 150 миллионов долларов. “Он невероятно удачлив или он настолько хороший игрок?” – вопрошала газета в январе 2008 года. На следующий день член Законодательного совета Гонконга Чхим Пхуйчхун (сам заядлый игрок) рассказал газетчикам, что люди славят “Бога игроков”, позаимствовав этот титул из фильма с Чоу Уньфатом. Профессиональные игроки называли таких людей “метеорами”: они появлялись ниоткуда и, как правило, исчезали в никуда.

Такая удача вызывала подозрение. В казино знали, что их преимущество в баккаре – около 1,15 % – гарантирует, что после тридцати тысяч партий шансы игрока становятся прозрачными. Игрок может сыграть за выходные тысячу раз и не остаться внакладе, но почти никто не уходил победителем целых семь месяцев. Вскоре после выхода статьи, автор которой назвал Сиу “Богом игроков”, двадцатилетнему сыну счастливого стали поступать анонимные звонки с угрозами. Потом однажды ночью кто-то попытался поджечь семейный дом Сиу в деревне. Наконец, от Вон Кхаммина, пригласившего Сиу Юньпина в ВИП-зал, потребовали встречи, чтобы обсудить, мухлюет ли Закоренелый Игрок Пхни.

Годами воплощением Макао выступал Стэнли Хо – магнат, встречающийся с актрисами и танцовщицами, в свои восемьдесят лет превосходно танцующий танго и разъезжающий по Гонконгу в “Роллс-ройсе” с номером *НК-11* После того как отец потерял на бирже

состояние, Хо во время Второй мировой войны начал в Макао свой бизнес: “К концу войны я заработал миллион долларов, начав всего-то с десятки”. Хо занялся авиа- и морскими перевозками, недвижимостью, а в 1962 году вместе с партнерами прибрал к рукам казино Макао. Сорокалетняя монополия превратила Хо в одного из богатейших людей Азии. Иностранные правительства подозревали Хо в слишком теплых отношениях с организованной преступностью. Он все отрицал, но регулирующие органы препятствовали попыткам его семьи управлять казино в США и Австралии. Хо был не слишком разборчив в выборе партнеров. Он устраивал гонки для шаха Ирана, регаты для Фердинанда Маркоса и островное казино для Ким Чен Ира. Разведки отчаянно пытались добыть сведения о связях Хо, но, как рассказал мне Дэн Гроув, агент ФБР в отставке, служивший в Гонконге, “никто не прошел дальше первой базы”.

В 2002 году монополия Стэнли Хо закончилась, и за лицензиями в Макао потянулись зарубежные бизнесмены. Первым открыл казино – “Сэндс Макао” – Шелдон Адельсон из Лас-Вегаса, номер девять (по мнению “Форбс”) в списке богатейших людей США. Адельсон был антиподом Стэнли Хо: маленьким и полным, с ярко-рыжими волосами. Сын таксиста из Литвы, Адельсон вырос в Дорчестере, пригороде Бостона, и чем только ни занимался: упаковывал туалетные принадлежности для отелей, продавал спрей для очистки ветрового стекла ото льда. В 1979 году он открыл *Comdex*, компьютерную торговую выставку, и так достиг настоящего успеха. Потом он купил в Лас-Вегасе старый отель “Сэндс”, создал самый большой в Америке частный комплекс для конференций и сделал состояние, совмещая казино с выставочными центрами. Адельсон, желая заполучить Макао для доступа к кошелькам 1,3 миллиарда китайцев, обворожил пекинское руководство, используя свое влияние в Республиканской партии США. (Он был самым крупным частным спонсором во время кампании 2012 года.) Адельсон открыл первое казино в мае 2004 года, а потом решил воплотить идею, которая, по его словам, пришла к нему во сне: воспроизвести в Макао Лас-Вегас-Стрип. Его компания построила между двумя островами насыпь из 3 млн. м³ песка и открыла “Венишен Макао” (стоимостью 2,4 миллиарда долларов) – увеличенную копию “Лас-Вегас Венишен”, с самым большим в мире игровым залом. Адельсон сообщил, что надеется за счет Макао когда-нибудь превзойти Билла Гейтса и Уоррена Баффета.

В отличие от Лас-Вегаса, где основной доход казино зависел от продажи жетонов для игровых автоматов, три четверти прибыли в Макао давали огромные ставки в ВИП-залах, где крупные игроки проводили круглые сутки. Казино в Макао опиралось на “агентства по развлечениям”: закон запрещал взимать долги на остальной территории КНР, а такие агентства могли легально искать богатых клиентов по всему Китаю, предоставлять им кредит, а после улаживать непростые вопросы возвращения долгов. Эта система пользуется особенной популярностью у клиентов, желающих вывести за рубеж крупные суммы наличными. Если коррумпированный чиновник или нечистый на руку бизнесмен желает скрыть свои доходы, агентство может взять наличные в Китае и вручить ему по другую сторону границы игровые фишки, которые можно обналичить или пустить в игру. (Еще один вариант – “смурфинг”: наличные вывозятся контрабандой через плохо охраняемую границу Макао.)

Хотя среди “агентств по развлечениям” есть и законопослушные, десятилетиями этот бизнес был связан с организованной преступностью. Триады, выросшие из тайных обществ, занимались гангстерским ростовщичеством и контролировали проституцию. Их присутствие ощущалось и в казино Макао. В последние годы триады оставили дразги ради блестящих возможностей, предоставляемых отмыванием денег, финансовыми махинациями и азартными играми. Уличные бандиты превратились в теневых дельцов, и стало сложнее отличить триады, пришедшие в бизнес, от бизнеса, действующего как триады.

Макао оказался особенно привлекательным для коррумпированных чиновников. Партийцы часто направлялись в Макао с общественными деньгами и возвращались с пустыми

карманами. Чжан и Чжан, чиновники из Чунцина, в 2004 году проиграли в казино более 12 миллионов долларов. Бывший партийный босс из Цзянсу проиграл 18 миллионов. Еще один бюрократ из Чунцина умудрился потратить четверть миллиона долларов всего за двое суток. В Макао за расхищение бюджетных средств арестовали множество чиновников. В 2009 году ученые определили, сколько средний бюрократ теряет за игровым столом до своей поимки: 3,3 миллиона долларов.

Чтобы найти миллионеров, “агенты по развлечениям” изучали деловую прессу. Тридцатидевятилетний агент рассказал мне: “Сегодня в Макао, если человек не играет хотя бы на несколько сотен тысяч долларов, он не считается настоящим клиентом”. А если клиент не оплачивает долг? “Мы едем в его город и звоним. Потом, если необходимо, ждем пару дней. Просто чтобы надавить”, – объяснил агент.

Через несколько недель после поджога деревенского дома Сиу Юньпина Сэ Валунь, средний чин одной из самых известных триад, Вохопто, созвал на окраине Гонконга “бойцов”. Сэ, коренастый человек лет тридцати, изложил своим людям план. Один из них потом пересказывал его в суде: “Босс хочет, чтобы человек вернул немного денег”. “Должником” был Сиу, а “боссом” – хорошо известный гонконгской полиции и властям США Чхен Чхитхай. По мнению судьи Верины Бокхари из Гонконга, Чхен мог “иметь голос” в VIP-зале казино “Сэндс Макао” – одном из мест, где Сиу играл в баккару.

План был таков. Сиу пошлют “сообщение”, заманив в засаду его друга Вона. Последнего похитят в дороге и отвезут в ближайшую деревню, где в заброшенном здании будут готовы перчатки, капюшоны, ножи и телескопические дубинки. Сначала предполагалось просто сломать Вону руки и ноги. Позднее план изменился, и Вона решили убить, чтобы Сиу увидел серьезность их намерений.

Когда Сэ объяснил задание, его люди несколько растерялись. Один из рекрутов поинтересовался: “Что, все настолько серьезно?” Сэ удивился: “Босс так велит”. Второй вспомнил, что он в тот вечер приглашен на свадьбу. Третий, Лау Минье, не хотел делать “работу” бесплатно: “Если не собираешься платить человеку, как он может тебе помочь?”

К тому же Лау был знаком с предполагаемой жертвой. Двадцатилетний Лау был крестьянским сыном и прежде работал разносчиком в чайном домике, мотаясь по окрестностям на золотистой “Тойоте”. Он иногда привозил еду в деревню Вона: “Все были в шоке от идеи убить кого-либо, тем более человека, которого знал один из нас”.

Лау явно колебался. Сэ пришел в ярость: “Какого хрена ты еще думаешь?!” Лау пришлось сдаться. Он присоединился к триаде еще подростком и служил “бойцом” под началом Сэ. Денег это приносило немного. Он подрабатывал в газетном ларьке и в интернет-кафе. У него была подруга, и она ждала ребенка. К тому же ему и так хватало неприятностей с выплатой пятисот с лишним долларов за ремонт грузовика, в который он въехал на своей “Тойоте”.

Труд наемного убийцы показался Лау отвратительным, и в день убийства перед рассветом он позвонил знакомому полицейскому и предложил сделку. Они встретились, и Лау выложил все: про убийство, “Бога игроков”, дом с капюшонами и ножами. В суде Лау объяснил: “Я отец и хочу быть ответственным человеком”. Сделка могла привести его в тюрьму, но он высчитал, что выйдет “прежде, чем ребенок все поймет”.

За несколько часов полиция арестовала пять человек. Их судили осенью за сговор с целью причинения тяжких телесных повреждений и участие в триадах. Сэ, кроме того, обвинили в сговоре с целью убийства и найме людей для его исполнения. Пять человек отправились в тюрьму на четырнадцать лет. (Лау за помощь следствию отпустили.) Во время расследования полиция ненадолго задержала и лидера триады Чхен Чхитхая. По словам Джона Хейнса, защитника Сэ, Чхен “позвонил своему адвокату и отказался отвечать на вопросы

– и в результате избежал обвинений”. Хейнс сокрушался: “мелкие сошки” отправляются в тюрьму, а “главарь... сидит спокойно в Макао”.

На процессе Сиу и Вона попросили сообщить, сколько Сиу выиграл за пять месяцев. Это был трудный вопрос: иногда игроки в Макао делали побочные ставки куда более крупные, чем стоили фишки на столе. (При побочной ставке игрок и “агент по развлечениям” договариваются, что фишка в сто долларов стоит тысячу или, например, сто тысяч.) Сиу выиграл эквивалент 13 миллионов долларов США. Вон назвал куда большую сумму: 77 миллионов.

Упоминание о том, что бывший парикмахер выиграл 77 миллионов долларов и избежал общения с гангстерами, привлекло внимание гонконгских журналистов. Некоторое время они преследовали “Бога игроков”, но он не давал интервью. Через год после процесса гонконгский журнал “Некст” опубликовал статью, утверждающую, что Сиу жульничал. Он якобы платил сотруднику казино, записывающему проигрыши и выигрыши, чтобы тот увеличил его прибыль и уменьшил убыток; казино ничего не заметило, потому что многие ставки Сиу были “побочными”, без записи, и, кроме того, “агенты по развлечениям” даже подумать не могли, что неизвестный игрок пойдет на подкуп сотрудника. Сиу ничего не ответил. Он куда-то пропал.

О “Боге игроков” почти забыли. Дело исчезло со страниц криминальной хроники. Но осенью 2010 года бывший администратор казино “Сэндс Макао” Стив Джекобе подал иск о своем незаконном увольнении и выдвинул ряд обвинений против Шелдона Адельсона. Джекобе утверждал, что он и Адельсон обсуждали дело “Бога игроков”, а также что триады имеют влияние на “Сэндс”. Адельсон якобы настаивал на “агрессивном расширении бизнеса ‘агентств по развлечениям’”. Джекобе также обвинил “Сэндс” в подкупе законодателя из Макао, что было нарушением американского закона о коррупции за рубежом. Владелец “Сэндс”, в свою очередь, заявил, что Джекобе не смог удержать триады подальше от компании.

В дело вмешалось правительство США. Минюст и Комиссия по ценным бумагам и биржам начали расследование против владельца “Сэндс” по обвинению в возможном нарушении закона о коррупции за рубежом. Адельсон все отрицал: “Когда дым рассеется, я абсолютно – не на сто, а на тысячу процентов – уверен, что за ним не окажется огня. Они хотят получить мои электронные письма. А у меня нет компьютера. Я не пользуюсь электронной почтой. Я не такой”.

Адельсон и его коллеги убедились, что вести дела в новом Китае не просто опасно. Они поняли, насколько их успех зависит от других: от компартии, триад, от мечтающего сорвать куш парикмахера. Сиу повезло за игровым столом, Вону повезло, что для его убийства наняли совестливых бандитов, а Адельсону не повезло в том, что репортеры распрослали информацию о плане убийства, связанном с его казино. С другой стороны, эта история зависит от случая так же мало, как и казино. Это скорее столкновение личных интересов, повесть о “позолоченном веке” Китая.

Макао с его богатством, заговорами, моральной амбивалентностью открыл окно в новую беспокойную эпоху. В Китае в дни почти всеобщей бедности было практически нечего красть и, что логично, мало поводов отвергать мораль ради обогащения. Но сочетание стремительного экономического роста и непрозрачности действий правительства оказались почти идеальной средой для злоупотреблений. В 2007 году, когда Сиу Юньпхин сорвал куш, ученый Пэй Миньсинь подсчитал: почти в половине китайских провинции руководителей транспортом отправили в тюрьму, а коррупция стоила Китаю 3 % огромного ВВП, что превышает государственные расходы на образование.

Перед правительством успех Макао ставил сложный вопрос: как долго позволять этому продолжаться? Китай мог остановить бум с помощью декрета (гражданам нужно специальное разрешение на поездку в Макао; правительство по своему желанию сокращало и увеличивало поток посетителей), но закрытие Макао вызвало бы политические проблемы. Здесь победители – представители “новой среднезажиточной страты” – пожинали плоды успеха, наслаждались сделкой с властью: не лезьте в дела государства, а государство не слишком будут заботить ваши. Во время перелета из Макао в Пекин я сидел рядом с бывшим военным, теперь владевшим недвижимостью и несколькими фабриками. Он сказал, что посещает Макао раз в месяц, “чтобы выпустить пар”, и потратил большую часть полета на изучение последнего приобретения: телефона “Верту” за двенадцать тысяч долларов, обтянутого крокодиловой кожей и снабженного кнопкой, соединяющей с круглосуточно работающим ассистентом.

Власти в Макао, как и в Пекине, не видели причин что-либо менять. Мануэль Жоаким Невеш, главный инспектор казино Макао, заявил мне, что “Макао – не Лас-Вегас”, и я не сразу понял, что Лас-Вегас он считает моральным эталоном: “Макао привлекает более 20 миллиардов долларов зарубежных инвестиций только в индустрию казино. Если коротко, мы прекрасно соответствуем запросам общества”. Эта точка зрения опиралась на слова партии о своем успехе. “Развитие – единственная истина”, – считал Дэн Сяопин, и многие с ним соглашались.

Четыре года спустя мой гонконгский друг сообщил, что Сиу, похоже, вернулся в район, где он вырос. Говорили, он добился покровительства другой триады – Вошинво. Я отправился туда на поезде – в плодородную дельту реки, окруженную зелеными холмами. Летняя жара ослабевала. Повсюду шло строительство. Деревни превращались в районы вилл и поселки с названиями вроде “Престиж”, “Небесно-голубой” или “Серебряный сад”.

Я нашел Сиу на стройке рядом с заваленной металлоломом площадкой, которую окружали болотистые луга с водяными орехами и лилиями. Сиу, как всегда и хотел, занялся операциями с недвижимостью. Теперь он строил жилой комплекс “Пинакль”: четырнадцать домов с преобладанием нержавеющей стали и черного гранита, вполне уместных в Сакраменто или Атланте. Сиу (растянутая желтая рубашка-поло, джинсы, грязные кроссовки) выглядел подавленным. Его с трудом можно было отличить от рабочих – загорелых костлявых мужчин средних лет из сельской местности. Я приехал к перерыву, и один из них мылся, поливая себя из ведра мыльной водой. Я представился Сиу. Он был не очень-то рад меня видеть. Я объяснил, что уже долгое время интересуюсь его судьбой. Он смягчился. Мы устроились на раскладных стульях за веревкой для сушки белья, с видом на стройку.

Я спросил Сиу, куда он исчезал. Сиу улыбнулся:

Я объездил весь Китай. Сам вел машину. Иногда останавливался в пятизвездочных отелях, а иногда в крошечных гостиницах. Больше всего мне понравилась Внутренняя Монголия. Потом я поднялся в горы в Цзянси и остался там на восемь месяцев. Когда начались снегопады, я замерз почти до смерти. Я спустился с гор и вернулся домой.

Я спросил, плутовал ли он, играя в баккару “Журналисты разносили слухи, рассказы людей, которые хотели вернуть свои деньги, – ответил Сиу – Все говорили, что я жульничаю. Это неправда. Я не шулер. Когда я играл, за мной все время следили, должно быть, человек десять. Как я мог мухлевать?”

Но это не отменяло манипулирования ходом игры. Адвокат одного из ответчиков предположил, что Сиу, приглашенный в качестве участника крупной махинации, понял, что может воспользоваться своим положением. Я подумал, что если это правда, значит, Сиу позволял удовлетворять чужие амбиции за свой счет – до тех пор, пока его собственная жажда

денег не взяла верх. “Но, – прибавил адвокат, – сейчас так много жульничества. Как узнать правду?”

Я спросил у Сиу, преследуют ли его до сих пор триады, и он ответил: “Мне пятьдесят с лишним лет. Я проживу, скажем, до семидесяти. Так что у меня есть лет десять или около того. Что мне терять?” Он замолчал на мгновение, потом странно улыбнулся: “Кроме того, если они придут, я смогу им ответить”.

Он перестал ездить в Макао. Это решение Сиу принял ради детей. “Я не хочу, чтобы они играли. Двое из них имеют степень бакалавра, один – магистра. Они не ругаются. Хорошие дети... Чтобы хорошо играть, нужно быть очень восприимчивым. Никому этого не пожелаю. Меня называли ‘Закоренелым Игроком Пхином’. Но мне никогда это не нравилось, потому что у меня не было зависимости. Я играл потому, что знал: я могу выиграть”.

Приближалась ночь, и Сиу предложил подбросить меня до вокзала на своем черном *Lexus SUV*, припаркованном неподалеку в грязи. Машина была отполирована до такого блеска, что сверкала от уличных огней: единственный признак богатства Сиу “Вертолет возил меня в ‘Венишен’, когда я пожелаю, – сказал Сиу – Теперь я пачкаю ноги. Недвижимость прибыльнее! Она приносит больше денег, чем игра, наркотики или что-либо еще”. Он мотнул головой в сторону стройплощадки: “Чтобы построить один такой дом, нужна пара миллионов, но зато я смогу продать его за десять миллионов”.

Глава 7

Привитый вкус

Когда “те, кто разбогател первым”, отправили ребенка в “Лигу плюща” и наняли команду чтецов для пересказа книжных новинок, они захотели интеллектуального развития. Мужчины и женщины, вознесенные китайской промышленной революцией на вершину, жаждали большего выбора в вопросах искусства, хорошего вкуса и роскоши. Они хотели знать, что они упустили.

В мае 1942 года Мао Цзэдун сказал: “Искусства для искусства, искусства надклассового, искусства, развивающегося в стороне от политики или независимо от нее, в действительности не существует”. Мао видел в литературе и искусстве “составную часть общего механизма революции”, “могучее средство сплочения и воспитания народа”, “мощное оружие, которым мы будем разить врага вплоть до его уничтожения”, “средство помощи народу в его единодушной борьбе с врагом”. Партия добивалась того, чтобы искусство, литература и вообще все, что касалось личных предпочтений, соответствовало “лейтмотиву” (*чжусюаньлу*) китайского общества.

Об искусстве КНР судят по картинам с румяными крестьянами, фильмам о целеустремленных солдатах и стихам о невероятном героизме. Этот стиль – “революционный реализм в купе с революционным романтизмом” – появился под влиянием той идеи, что (как выразился “главный по культуре” Чжоу Ян) “сегодняшний идеал – это реальность завтрашнего дня”. Иногда художников, обращавших слишком много внимания на проблемы своих современников, обвиняли в том, что они увлекаются “изображением реальности”, и наказывали.

В 1976 году, после смерти Мао, появилась первая группа художников-авангардистов, назвавших себя “Звезды” (как объяснил основатель группы Ма Дэшэн, чтобы “подчеркнуть свою индивидуальность”). Когда их первую выставку в Национальном музее закрыли в 1979 году, они развесили работы снаружи на ограде и провели марш под девизом “Мы требуем демократии в политике и свободы в творчестве”. В 90-х годах партия наказывала перформансистов за появление на публике нагишом, отменяла экспериментальные спектакли и сносила поселения художников.

Но деньги изменили расстановку сил. К 2006 году работы Чжан Сяогана и других современных китайских художников стоили уже до миллиона долларов. Художники, принадлежавшие к поколению экономического подъема, дали понять, что устали от политики. Они стали поднимать темы консюмеризма, культуры и секса и встретились с новым поколением перекупщиков и коллекционеров.

Ли Суцяо, коллекционер и куратор, объяснил: “Я говорил друзьям: ‘Вместо того чтобы потратить четыре тысячи долларов на ставку в гольфе, вы можете купить предмет искусства’”. Мы встретились в галерее “Новое тысячелетие”. На плечи сорокачетырехлетнего Ли был наброшен желтый свитер. Он заработал состояние на нефти, а коллекционированием занялся пять лет назад. Ли подсчитал, что ежегодно тратит около двухсот тысяч долларов на работы молодых художников. “У меня есть друзья, – рассказал он, – которые живут в виллах на севере Пекина, и, когда дело доходит до декора, они тратят сто тысяч юаней на диван и сто юаней на висящую над ним картину. Иногда они не думают о цене, а только о размере”. На взгляд Ли, авангард “никак не связан с политикой”: “Китайских коллекционеров больше интересует повседневность, а не память или трагедия”.

Партия сочла, что лучшим способом лишить китайское искусство духа борьбы будет одобрить его. В 2006 году, после нескольких лет угроз уничтожить “Фабрику-798” – завод военной электроники, отданный под галерею и художественные мастерские, власти Пекина назвали ее “креативным кластером”, и туда потянулись туристы.

Рынок искусства пошел в гору. Открылись сотни музеев современного искусства. Прежде нищие художники теперь продавали свои работы по всему миру и строили дачи у Великой стены. Ай Вэйвэй (один из “Звезд”) открыл собственный ресторан. Стремление китайцев к богатству было интересно Аю само по себе, и он изготовил несколько огромных хрустальных люстр – пародию на новую китайскую эстетику. Одну Ай повесил внутри проржавевших строительных лесов: получилась карикатура на социальное неравенство.

В первые два десятилетия практики Ай работал нерегулярно: между азартными играми и продажей антиквариата он создавал инсталляции, писал картины, фотографировал, изготавливал мебель, сочинял книги и снимал фильмы. Он помог организовать коммуны художников на окраинах столицы. Несмотря на отсутствие архитектурного образования, Ай стал одним из самых востребованных архитекторов, прежде чем его увлекли другие занятия.

В 2004 году Холланд Коттер на страницах “Нью-Йорк таймс” назвал Ая “художником, сыгравшим вдохновляющую роль ученого клоуна”. Когда художнику было чуть за пятьдесят, он нашел новую богатую жилу – стремление Китая к успеху. В 2007 году в качестве своего вклада в выставку *Documenta 12* он организовал поездку тысячи и одного обычного китайца-горожанина в Кассель, где проводился фестиваль. Он назвал проект “Сказкой” (*Fairytale*), намекнув, что Кассель – родина братьев Гримм, а также на притягательность (и недоступность) внешнего мира для многих поколений китайцев.

Чтобы набрать путешественников, Ай Вэйвэй обратился к интернету – и внезапно открыл для себя новый мир. Ай Вэйвэй занял деньги на перелет у фондов и в других местах, а его штаб проработал все детали, вплоть до одинакового багажа, браслетов и фестивальных помещений с тысячей и одним отреставрированным деревянным стулом эпохи Цин. Это была социальная скульптура в китайском масштабе. Логистика впечатлила бы и самого Йозефа Бойса, германского концептуалиста, провозгласившего, что “любой человек – художник”. По мнению художника Чэнь Даньцина, проект получил особый отклик в Китае, где одобрение любого рода со стороны Запада (включая въездные визы) имеет почти сказочную ценность: “Последние сто лет мы ждали, что американцы, европейцы или кто-либо еще позовет нас. *Вы. Приезжайте*”.

Отношение китайцев к западной культуре состояло из жалости, зависти и возмущения: жалости к “варварам”, живущим вне Поднебесной, зависти к их могуществу, а также возмущения, вызванного их вторжением в Китай. “Китайцы никогда не воспринимали иноземцев как людей, – писал Лу Синь. – Мы либо почитали их как богов, либо презирали как зверей”.

В 1877 году, когда Цинская империя слабела, а могущество Запада росло, китайские реформаторы отправили молодого ученого Янь Фу в Англию, чтобы он выяснил причины доминирования британцев на море. Янь пришел к мнению, что сила Великобритании не в оружии, а в идеях, и вернулся в Китай с горой книг: Герберта Спенсера, Адама Смита, Джона С. Милля, Чарльза Дарвина и других. Его переводы были далеки от совершенства (так, “естественный отбор” превратился в “естественное уничтожение”), однако их влияние оказалось велико. Для Яня и других эволюционная теория была не просто биологией: то была наука политики. Лян Цичао, один из ведущих китайских реформаторов, считал, что Китай должен стать “одной из наиболее приспособленных” стран. Слишком фанатичное почитание Запада оказалось ошибкой. В начале XX века активистов, отстаивавших европейскую идею индивидуальности, высмеивали как “фальшивых иностранных дьяволов”. До последних лет правления Мао, когда он восстановил связи с США, восхищение Западом было наказуемо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.